

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Карельско-Мурманская Комиссия

SOCIÉTÉ RUSSE DE GÉOGRAPHIE

Commission pour l'investigation de la Karélie et du Mourman

Д. А. ЗОЛОТАРЕВ

ЛОПАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

($\frac{11}{I}$ — $\frac{11}{V}$ 1927-го года)

D. A. ZOLOTAREV

EXPÉDITION ETHNOLOGIQUE EN LAPONIE

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ЛЕНИНГРАД
1927

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Карельско-Мурманская Комиссия
SOCIÉTÉ RUSSE DE GÉOGRAPHIE
Commission pour l'investigation de la Karélie et du Mourman

---

*Р. 133
11. 22.*

Д. А. ЗОЛОТАРЕВ

ЛОПАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

(¹¹/_I—¹¹/_V 1927-го года)

D. A. ZOLOTAREV

EXPÉDITION ETHNOLOGIQUE EN LAPONIE

ИЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ЛЕНИНГРАД
1927

Лавил. 57

Напечатано по распоряжению Совета Гос. Русского Географического
Общества.

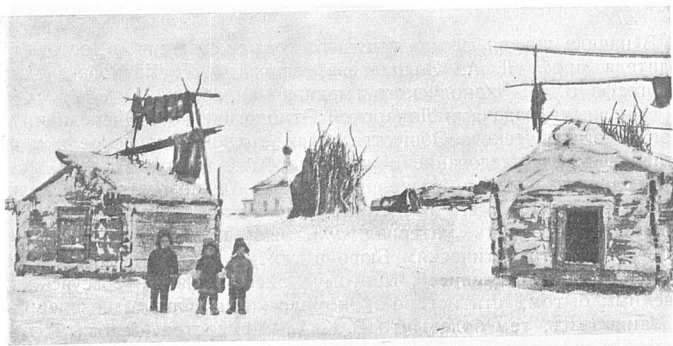
Ученый Секретарь Академик *В. Комаров*.

2007114207

Ленинградский Облит № 52248.—Тираж 1000 экз.— $3\frac{1}{8}$ печ. листа.

Типография 1-й Ленинградской Артели Печатников, Моховая, 40.

ЛОПАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

(11/1—11/v 1927 года).

Мысль об организации экспедиции к лопарям возникла еще в 1923—24-годах, когда через Этнографический Отдел Государственного Русского Музея был возбужден вопрос об отпуске средств на исследовательские работы. Уже тогда указывалось на необходимость возобновить изучение лопарей, сохранившихся в очень небольшом количестве около 1.640 человек и подвергшихся тяжелым испытаниям последних лет, но до сих пор плохо изученных.

Осенью 1925 года автору с сотрудником А. Л. Колобаевым удалось при очень скромных средствах осуществить разведочную поездку к нотозерским лопарям. Несмотря на кратковременность поездки, был собран значительный материал, характеризующий быт местного населения и знакомящий с глубоким кризисом, пережитым нотозерскими лопарями, покинувшими совсем свой Нотозерский погост. Поездка вместе с тем лишней раз доказала правильность предположений о необходимости, в целях успеха работы, предпринять зимнюю экспедицию, проект которой был разработан автором при содействии Заведующего Мурманским Губернским Статистическим Бюро В. К. Алымова.

Образование Государственным Русским Географическим Обществом Карельско-Мурманской Комиссии дало возможность во всей полноте поставить вопросы о срочности изучения лопарей и о снаряжении с этой целью зимней экспедиции. Инициатива Комиссии, поддержанная Советом Русского Географического Общества, нашла живой отклик в Колонизационном Отделе Мурманской жел. дор., отпустившей при содействии Г. Ф. Чиркина 1.500 рублей на Лопарскую Экспедицию. К сожалению, другая часть денег была отпущена Географическому Обществу Главнаукой в размере 1.900 руб. лишь в конце 1926 года, и только тогда можно было начать работу.

В начале января месяца текущего года экспедиция, в составе руководителя проф. Д. А. Золотарева, врача Ф. Г. Иванова-Дятлова и этнографа В. В. Чарнолуского выехала на работу.

Основными задачами Лопарской Этнологической Экспедиции Русского Географического Общества были антропологическое и медико-гигиеническое исследование и изучение быта лопарей.

Предполагалось, по соглашению с В. К. Алымовым, что экспедиция, занимаясь прежде всего изучением физической природы и быта лопарей, будет собирать материал, учитывая проведение Мурманским Губернским Статистическим Бюро в тех же местах демографической и хозяйственной переписей. Поэтому, экспедиция, интересуясь хозяйственным бытом, статистико-экономическими вопросами специально не занималась, тем более, что В. К. Алымов состоял местным сотрудником экспедиции, неизменно оказывавшим всемерное содействие и охотно предоставлявшим экспедиции различные материалы, находившиеся в его распоряжении.

Такого рода согласование программы работ было особенно ценно при условии почти одновременной работы, как гарантия устранения параллелизма и получения максимальных сведений о жизни лопарей.

Не имея возможности обследовать всех лопарей, решено было сосредоточить внимание на восточной части Кольского полуострова, на внутренних погостах, недоступных совершенно летом и потому до сих пор не изученных.

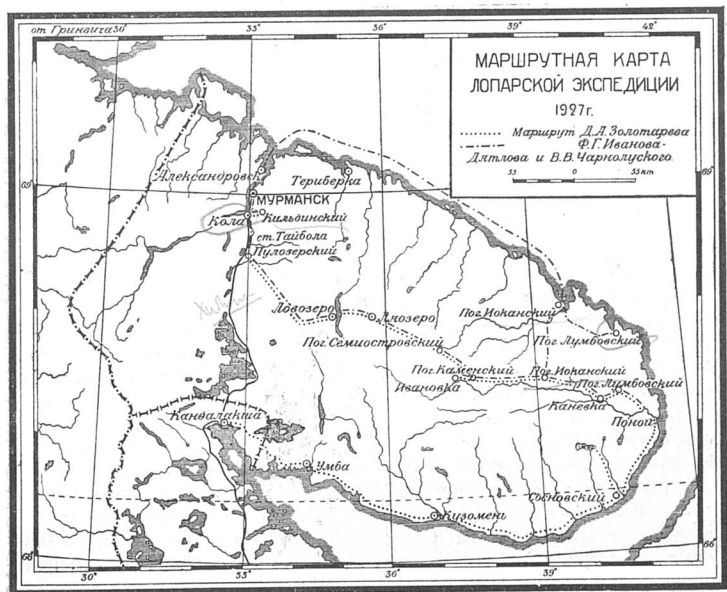
Предполагалось, начав со ст. Пулозеро Мурманской жел. дор. проехать на оленях по возможности дальше на Восток, при благоприятных условиях, до села Поноя в горле Белого моря, проведя более долгое время в одном из восточных погостов. Так, наметив свой маршрут, мы в середине января приступили к исследованиям в Пулозере, возобновив впервые сделанные А. И. Кельсиевым антропологические исследования лопарей пятьдесят лет тому назад (1877 г.).

Надо сказать, что Кельсиеву удалось измерить лишь 34 человека, из них 32 взрослых лопаря. После него в 1904 г. местный уроженец доктор В. А. Шмаков измерил 65 лопарей, в 1925 г. нами было измерено 22 человека и в 1926 г. мурманским врачом Н. В. Халасиным измерено по сокращенной программе и без необходимых инструментов 50 лопарей (16 мужчин и 13 женщин, 21 детей) в Ловозере. Данные его не опубликованы. Таков, совершенно недостаточный для суждения об антропологических особенностях лопарей, материал имелся до сих пор. Это обстоятельство было побудительной причиной не откладывать дольше антропологическое исследование лопарей, и в виду трудности работ, объясняющих малочисленность прежних измерений, подчинить все другие задачи экспедиции антропологии.

16-го января в Пулозере мы вместе с врачом Ф. Г. Ивановым-Дятловым начали производить измерения и медицинский осмотр лопарей. В. В. Чарнолуский вел регистрацию измеряемых и записывал данные измерений.

В зимних условиях в двух небольших лопарских комнатках поставив антропометр, спирометр, динамометры, весы и циркуля, мы

приняли 16 взрослых лопарей. Они приходили в своих меховых малицах или печках. Тут же раздевались по нашему предложению и, не проявляя недовольства и особого любопытства, спокойно подвергались подробным измерениям, осмотру и различным мало понятным для них операциям, включая изоагглютинацию крови. Условия освещения позволяли заниматься измерениями не более 4—5 часов. Около трех часов дня в комнате становилось затруднительным читать цифры инструментов.

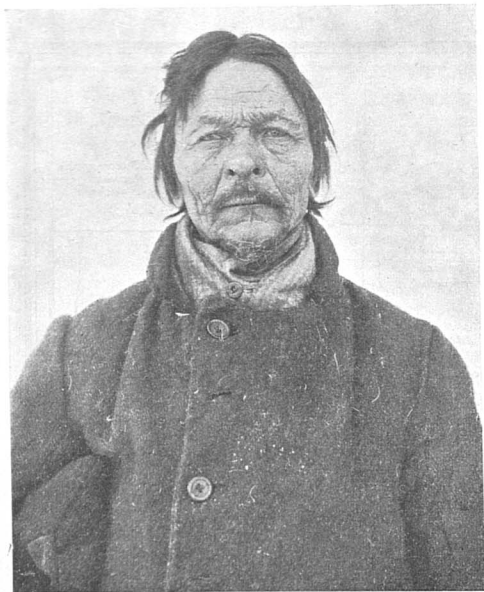

Стояла холодная ветряная погода, не располагавшая к тому, чтобы свободное время употребить на наблюдения на улице. Обойдя небольшой поселок, находящийся рядом со станцией и состоящий из построек железнодорожников, колонистов и лопарей, сравнительно недавно образовавших Пулозеро вместо старого Масельского погоста, мы осмотрели лопарские избы, побывали у жившего здесь заведующего постройкой пешеходной дороги Пулозеро—Ловозеро инженера А. К. Мореншильда и при содействии заведующего Мурманским Музеем А. Н. Михайлова, специально приехавшего помочь нам, стали готовиться к отъезду в Ловозерский погост.

Пулозерский погост имеет 26 дворов с 106 жителями. Близость железной дороги отражается на всем укладе жизни пулозерских лопарей.

рей. Они, как и остальные, занимаются оленеводством и рыболовством, но вывозка дров, перевозка грузов и пассажиров играют для них большую роль. При этом, нельзя сказать, чтобы они жили бедно. Разложение старого хозяйственного быта сказывается на пулозерских лопарях, производящих здесь довольно жалкое впечатление. Зато здесь чувствуется влияние городской культуры.

Вечером учитель железнодорожной школы пригласил нас на спектакль в железнодорожном клубе. В большом помещении на длинных лавках расположились зрители,

Пожилой лопарь из З. Иоканги.

среди которых больше половины было лопарей. Маленькие ребята, подростки и взрослые в своих северных костюмах — чаще всего в меховых малицах и пимах — с большим любопытством смотрели и слушали все, что предлагалось их вниманию.

Своеобразный вид зрителей, плакаты, украшающие помещение, вроде: «Жизнь коротка — искусство вечно», «Да здравствует девятая годовщина октября» и пр., только что привезенный граммофон, исполнивший речи тов. Бухарина о Краснове и голоде, тов. Ленина о

средняке, тов. Троцкого о кулаках и бедноте, военный марш дореволюционный и марш Буденного, агитационная пьеса, водевиль, детская пьеска «Пальмы и крокодил», предвыборная речь председателя Кольского волисполкома — все это говорило о том, что лопарская тундра, благодаря железной дороге, приобщилась к культуре и, может быть, не часто, но большими порциями принимает все, что могут дать местные культурные работники. Если не все было интересно и понятно лопарям, определенно казалось, что и здесь, среди полярной ночи, в глубокой тундре нарушена замкнутая жизнь с исключительно местными интересами, что тонкие нити, как телеграфные провода, связывают Пулозеро с новой для края жизнью, что будущее поколение уже не повторит жизни своих дедов и даже отцов.

Вместе с тем, мы поняли, что, выполнив антропологические работы, нам лучше ехать для этнографических наблюдений дальше на Восток, дальше от «Мурманки».

Готовясь сделать большой путь на оленях в самый холодный месяц, мы запаслись теплой одеждой. Усилив обычный костюм теплым бельем и носками, надев короткие полушубки, мы не без труда и усилий натянули на себя меховые чулки (лепты), высокие пимы и малицы, подпоясав их ремнями. Уже одеваясь, мы почувствовали необыкновенную жару. Представляя собою довольно неуклюжие резервуары тепла, мы двинулись около 6 час. вечера в Ловозеро, находящееся в 110 км. от Пулозера. Наш поезд состоял из трех подвод. Впереди на 4 оленях, запряженных в довольно высокие сани — нарты самоедского типа, ехал наш ямщик-лопарь лет 17—18, к нартам была подвязана пара оленей с низенькими санными и одним из нас, сзади ехали на тройке двое сотрудников экспедиции, самостоятельно управляя оленями.

Пожилой лопарь из Э. Иоканги.

Путь из Пулозера до Ловозера является самым бойким и хорошим. В Ловозеро, как волостной центр и ближайший внутренний погост восточной части Кольского полуострова, ездят сравнительно часто. Лесная дорога местами очень хорошо укатана. Лишь старые пни, выглядывающие из-под снега заставляют посматривать, чтобы не удариться ногами об эти пни, или о камни, также местами выступающие из-под снега. Олени, даже загнанные пулозерские олени, усталые от постоянной езды, бегут бойко и весело. Не сразу привыкаешь к тому, что олени очень тяжело дышат, как опоенные лошади, и, повертывая головы, высовывают свои языки. Местами олени бегут целиной по глубокому снегу, погружаясь по грудь, ловко выскакивая из него и таща за собой сани. Ямщик, держа в руке единственную возжу-хигну, слегка погоняет оленей длинным шестом-хореем. Не-

смотря на мороз и ветер, ехать удивительно приятно. Первое время тепло, как в бане, затем проходит неприятный жар, становится просто тепло. Этому много способствует пазуха, образующаяся выше пояса, прекрасно сохраняющая тепло и позволяющая в случае надобности греть руки. В этой пазухе обычно держат табак и спички, что дает возможность даже во время езды курить. В старое время, говорят,

Лопарская девушка.

в ней возили спирт для согревания в пути. Проехав около 10 км., мы остановились для передышки оленей. При этом, ямщик бросал вперед хорей, слегка дергал налево хигну, и олени сразу останавливались. Они сейчас же начинали пить снег и разysкивать свой любимый ягель. При помощи рог, копыт и морды олени легко добираются до ягеля и, отдохнув минут пять, вновь бегут также бойко. Правда, мы ехали не так быстро, как описывали езду на оленях раньше. В среднем мы делали километров 10—12 в час. Проехав половину, около 60 км., мы остановились на берегу озера, достали воды и дров, развели костер и здесь провели часа три, вместо ночлега. Пока отдыхали и кормились олени, гуляя на свободе, мы пили чай и грели у костра ноги, больше всего пальцы и пятки. Они заб-

нут, главным образом, потому, что подошвы, находясь на полозьях саней, касаясь снега, оттаивают и отпотевают. Сырость проникает внутрь обуви и способствует охлаждению ноги. В связи с этим необходимо прокладывать лепты и пимы стелькой из сена или соломы. Ночь, проведенная у костра при 25—28° градусном морозе, была необыкновенно приятным началом наших скитаний по тундре. Все, что приходилось читать и слышать о зимних поездках, достаточно сурово рисовало северное путешествие. То обстоятельство, что до сих пор еще ни одна этнографическая экспедиция не проехала нашим маршрутом, также как будто говорило о трудностях пути. Поэтому,

после первой остановки, мы уже бесповоротно и несравненно более смело сказали себе, что отступления не будет, и что мы надолго променяли железную дорогу на оленей. Вскоре после нас подъехали к костру инженер—строитель Ловозерской дороги и член президиума Мурманского Губернского Исполнительного Комитета, осматривавшие дорогу и направлявшиеся также в Ловозеро. Наш поезд увеличился. Несмотря на то, что дорога до Ловозера—наиболее торная в крае, мы два раза сбивались с пути и кружили. При ярком лунном свете наши ямщики сравнительно скоро находили дорогу, и мы выбрали на укатанный путь. Утром пришлось еще раз кормить оленей и греться у костра. Только здесь в 20 верстах от Ловозера, в 8—9 часов утра мы почувствовали настоящий холод; особенно зябли ноги. Если до сих пор поездка была только удовольствием, тут она стала неизбежной необходимостью, правда, пока не очень тяжелой.

Около 12 часов дня мы приехали в центр восточно-лопарской тундры—Ловозерский погост. Церковь, небольшие избы, среди которых выделялись ижемские двухэтажные постройки, вытя-

нувшиеся в линию, издали вырисовывались серым пятном на открытом пространстве ловозерской низины. Вдали виднелись, высоко поднимаясь, Ловозерские Хибины. Ясное почти безоблачное небо дало возможность любоваться картиной полуденного солнца, едва показавшегося из-за горного хребта и спрятавшегося, окрасив небосклон изумительными оттенками своего отблеска.

Мы приехали во время, как и стремились, за день до Крещения,—лопарского праздника,—связанного, как говорят, с возвращением солнца после зимнего перерыва.

Мы остановились в доме состоятельного ижемца, которого застали за работой: он, сидя около русской печки, нарезал мясо непосредственно с замороженной туши оленя. При этом он и другие члены семьи лакомились сырым мясом. Оленя оттаивали дома, готовясь к празднику.

Самоедка—жена лопаря.

Ловозеро многократно описывалось в старое время, поэтому, отметим лишь несколько штрихов для понимания места Ловозера в жизни лопарей и поделимся личными впечатлениями.

Ловозерский погост, как и другие лопарские поселки-погосты, является зимним селением, куда лопари съезжаются и где живут лишь зимние месяцы, начиная с ноября до апреля—мая. Ловозерский погост отличается от других тем, что он является волостным центром, объединяющим 9 населенных мест, расположенных на территории в 25.000 кв. км. и имеющих по предварительным данным переписи 1926—27 года—1.301 жителя, из них 510 лопарей. Здесь, как в административном центре, находятся волостные учреждения, школа, изба-читальня, приемный покой с фельдшером, ветеринарный пункт, кооператив, метеорологическая станция, замшевый завод и вновь открытая оленеводческая станция. Другой особенностью Ловозера является то, что в настоящее время это не только лопарский погост. Оказывается, здесь из 745 человек жителей приходится на лопарей третья часть, в то время как больше половины ижемцев—зырян, а кроме того, около 60 человек самоедов и 30 человек русских. Ловозеро, расположенное вдоль р. Вирмы в 2 км. от озера определенно разделяется на две части: один берег—лопарский, другой—ижемский, с большими двухэтажными домами. Таким образом, в лопарском центре лопари оказались в меньшинстве и даже под властью ижемцев. Надо напомнить, что ижемцы появились на Кольском полуострове только 40 лет тому назад, в 1887 году, когда 4 семьи переселились в Ловозеро из Печорского края по случаю распространения там эпизоотии, губившей оленей. С тех пор положение сильно изменилось, и количество ижемцев превысило исконное население не только в Ловозере, но и в Ловозерской волости в целом. Совершенно естественно, что ижемцы, более сильные физически, культурно и материально, по мере увеличения своей численности, оттесняли лопарей на второй план. Поэтому, наблюдая ловозерских лопарей, вы невольно чувствуете их забитость, хозяйственную слабость и культурную отсталость, и вместе с тем сознаете, что не они хозяева в их центре. Если облик Ловозера сильно изменился за 40 лет, то, все же, некоторые старые традиции сохранились. Одной из них является праздник Крещения. В старое время на праздник съезжались лопари отовсюду. Праздник и ярмарка в свободное время года, когда непроходимые тундры скованы льдом и покрыты снегом, привлекали общий интерес. Но и теперь, при изменившихся политических, экономических и культурно-бытовых условиях жизни лопарей, съезжается на праздник очень много гостей. Уже накануне праздника появились пьяные, ходили по домам ряженные, были заметны приезжие. Хотя теперь не было ярмарки, приехали лопари Воронежского, Пулозерского, Семиостровского, Кильдинского и Каменского погостов. За 100—150 верст приехали на праздник даже с грудными и маленькими детьми.

После обедни был крестный ход на иордань, в которой после водосвятия купалась одна женщина, а затем купали или обливали водой оленей. Нам пришлось видеть лишь жалкий пережиток, еще недавно бытовавшего обычая. Церковь была полна народа, одетого

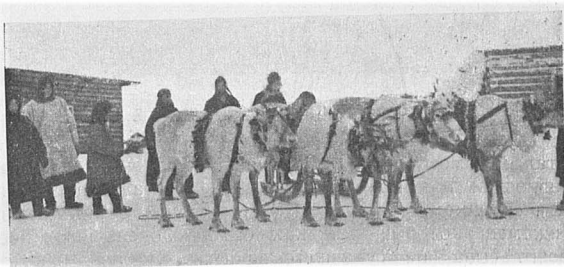

празднично. Лопарки были в своих вышитых бисером головных уборах, пестрых и ярких платьях, кофтах и платках, частью без малиц или печков. Особенно интересны были ижемки в своих длинных до пяток малицах, покрытых красивыми цветными «рубашками», у бога-

Ижемец с оленями около своего дома.

тых—шелковыми. Глядя на группу высоких девушек, плавно шедших по яркому снегу в малицах, крытых темно-зеленым шелком с белыми меховыми капюшонами, завязанными розовыми ленточками, невольно представлялось отдаленное прошлое. Среди бывших на иордани можно было видеть жениха и невесту—лопарей, державшихся все время за концы общего белого платка.

Олени в праздничной упряжи.

В прежнее время одним из праздничных развлечений было катанье на оленях. Приезжали на лучших оленях с изумительной упряжью, украшенной бисером по красному и желтому сукну. Кое-кто и теперь приехал в полном параде. Надо видеть хотя бы одну подводу, запряженную четверкой белых красивых оленей, на которых красное и

желтое сукно с изящным бисерным украшением и медными бубенцами выделяются яркими пятнами, чтобы представить праздничное катанье в Ловозере. Мы видели такие подводы, но при нас вместо обычного катанья, были устроены исполкомом гонки. Гонки привлекли общее внимание, но на них выступило немного участников, заботящихся лишь о быстроте бега. Первый приз в 20 руб. получил самоед, пробежавший на тройке оленей 2 километра в 2 мин. 5 сек., 15 руб. получил лопарь, пробежавший—в 2 мин. 12 сек., 10 руб. получил ижемец—за лучший бег оленей рысью. Налюбовавшись прекрасной лихой ездой, при которой многократно ездоки валялись в снегу и сломали не одни сани, зрители были довольны и результатами гонок. Первый

На второй день свадьбы у ижемцев.

приз достался самому бедному человеку. Наконец, представители всех народностей получили призы, что не вызвало нареканий с национальным оттенком. Повидимому, огорченным остался лишь наш хозяин—ижемец, который, так как сам был очень пьян, послал на гонки своего сына, не сумевшего прогнать оленей как следует. Старику не важны были деньги, а обидно то, что подорвана была его слава, как лучшего ездока рысью. Пришлось нам вмешаться, чтобы неудача сына не привела к побоям.

Как и раньше, к Крещенью приурочиваются свадьбы. Нам пришлось видеть лопарскую и ижемскую свадьбы и вечеринки. Наряду с сохранением старых обычаев в том числе у лопарей «уточка», в костюмах и танцах было очень много нового. Сюда проникли не только кадрили и полька, но и тустеп, краковяк, па-де-спань и т. д.

Правда, новые танцы умеют исполнять не все. У лопарей самым большим успехом пользуется «опчая», когда в маленькой комнате буквально не остается пустого места и все как-бы топчутся в общей массе. На ижемской вечеринке в богатом доме, кроме танцев, водили хоровод, под русские песни: «По за городу», «В хороводе были мы», «Капустка» и т. д. Здесь были очень стильны девушки и женщины в особо повязанных шелковых платках, заменяющих старинные ленты и кокошники, употребляющиеся теперь лишь на свадьбах. На ижемской свадьбе угощали всех «бражкой» — мутная сладковатая самодельная водка, — олениной, пирогом с рыбой (кумжой), пшенной кашей и клюквенным киселем. У кого не было свадьбы, ходили по гостям и принимали гостей. Веселье продолжалось несколько дней — с бражкой, но почти без водки. По крайней мере, мы не видели водки, хотя заходили во многие дома. Вечером поражала тишина в селе, мало похожая на праздник.

Праздник давал нам возможность без особого стеснения ходить по домам, помог ознакомиться с постройками, домашним бытом, и вместе с тем выяснить ряд хозяйственно-бытовых вопросов, в частности, вопрос о перекочевках. Завязав знакомства, В. В. Чарнолуский при содействии нескольких лопарей в течении десятидневного пребывания в Ловозере собрал материал для составления карты перекочевок и оленьих пастбищ.

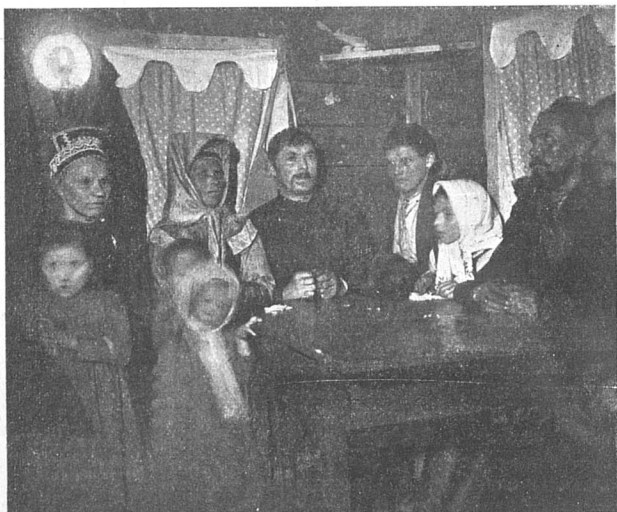
Хотя мы участвовали в празднике, для нас он был тем более рабочим временем. Мы всемерно стремились использовать съезд лопарей для антропологических измерений. Работая с утра до наступления темноты, мы измерили 65 лопарей мужчин, 8 женщин и 30 ижемцев.

Событием, отличающим современный праздник, были волостной съезд советов, митинг памяти В. И. Ленина и 9 Января 1905 года,

Ижемки в праздничных нарядах.

два спектакля и танцы. Народа было очень много. К сожалению, ребята так шумели, что трудно было слушать. Многие были недовольны и жаловались, что непонятно. Устроенные после спектакля танцы прошли очень весело и оживленно. Сочетание европейских танцев и лопарских и ижемских костюмов и типов было интересно и своеобразно. Из мелочей, являющихся показателем моды и вкусов молодежи, наше внимание привлекло употребление в качестве украшения английских булавok, прикалываемых в количестве 2 — 8 на кофточках и пиджаках.

В гостях на празднике.

Пребывание в Ловозере еще более укрепило нас в намерении доехать до с. Поноя и ободрило, дав нам практические сведения, полезные для осуществления пути. Следующий перегон был около 160—170 км., при чем большая часть пути шла по безлесной тундре. В холодный или ветренный и снежный день этот путь мог быть очень тяжелым, тем более, что никакой дороги от Ловозера до Семиостровского погоста нет. Едут, лишь зная направление пути и ряд примет, которые позволяют благополучно добираться от погоста до погоста. Нам удалось найти попутчиков, возвращающихся с праздника, и узнать, что по пути можно заехать в Ляозеро, находящееся в 65 км. от Ловозера.

Около 12 часов ночи при яркой луне и слабом северном сиянии отправились мы в Семиостровский погост на пяти подводах, так как, кроме ямщиков, с нами ехали их жены с трехлетним и годовалым

детьми. Последний в лопарской люльке, украшенной бисером, был заботливо закрыт сверху шкурами, платком, подушкой и опять оленьей шкурой. Второй ребенок также наглухо закрытый, повидимому, чувствовал себя вполне хорошо, время от времени давая о себе знать. Во время небольших остановок в пути мать раздвигала верхнее покрывало и давала детям подышать свежим воздухом. Когда маленький плачем проявлял желание есть, мать, приподнимая свою малицу и ложась сверху на подводу, кормила его грудью, не рискуя простудиться и простудить ребенка. В открытой тундре,

Ловозерский съезд советов.

среди снега и на холоду, эти картины приспособления человека производили изумительное впечатление.

Около 6 часов утра мы подъехали к трем небольшим избам— это было Ляозеро. Здесь в стороне от погоста живут лопари и самоеды-оленеводы. Часа четыре отдыхали и грелись в избе, состоящей из трех комнат, где жило пять семейств. Одна комната отапливалась русской печью, с причудливо сложенным устьем. Во второй комнате был обычный у лопарей камелек в углу.

Немного поспав на полу и выпив чаю, мы направились дальше. Дорога шла тундрой, местами очень каменистой. Лишь изредка попадался очень плохой хвойный лесок и карликовая береза да вереск. Перед Семиостровским погостом встретились довольно большие возвышения—вараки. Ехав без дороги в темноте, мы заблудились, хотя ямщики и их жены были семиостровские лопари и хорошо знали

путь. Лопари повертывали назад, кружили, ходили по снегу, советовались, кричали; могло казаться, что дело наше плохо, но вдруг, они круто повернули, погнали оленей целиной, стали более оживленными, и мы подъехали к спуску с горы. Отсюда было около 6 километров до погоста, куда нам предстояло спуститься. Оказывается, здесь часто сбиваются с пути, так как сильно пересеченная местность затрудняет путнику возможность находить место спуска в долину. Раньше, говорят лопари, были вежи, чтобы не заблудиться, а теперь никто их не поддерживает, ну и путаются даже свои. Во всяком случае мы были довольны и благодарны женщине, настойчиво указывавшей, споря с мужчинами, правильный путь.

Второй наш переход был сделан в 20 часов и не менее удачно, чем первый. Поздно вечером подъехали мы к погосту, маячившему издали своими маленькими огоньками в низине довольно узкой долины. При вечернем освещении погост, вытянувшийся в одну улицу, производил очень приятное впечатление. Маленькие тупы, сзади амбарчики на столбах, низенькие овчарни и костры дров из корней и причудливо искривленных стволов и ветвей полярных деревьев. Мертвая тишина, нарушенная нашим приездом, вызвавшим лай собак и движение населения, скоро восстановилась. Легкий мороз, ясное звездное небо, при полной тишине, чарующе успокаивали и звали ко сну после долгого пути.

В Семиостровском погосте мы остановились в небольшой избе богатого лопаря, куда незадолго перед нами приехал с Востока сотрудник Губстатбюро, производящий перепись населения. Нам пришлось занять всю свободную площадь пола для спанья. В маленькой комнате, кроме нас четверых, спали еще трое хозяев. Было так жарко, что совершенно не напоминало полярный край. Температура от $+25^{\circ}$ до 30° была обычной в нашей квартире.

Было приятно узнать, что население все на месте, и что нам удастся произвести антропологическое исследование. Погост, исключительно лопарский, имеет 20 жилых построек с 139 жителями. Из всех изб только в одной можно было поставить двухметровый антропометр, и то оставалось до потолка не более 4 сантиметров. Измерения прошли очень удачно. Не считая бывших на исследовании в Ловозере, мы осмотрели 24 мужчин, 30 женщин и 24 детей.

Семиостровский погост нам показался очень интересным. Расположенный в центре восточной части полуострова, совсем не там, где его изображают на картах, погост является удивительным уголком, куда редко заезжают посторонние люди. Здесь нет ни школы, ни кооператива, ни фельдшера, ни духовенства. Только двое грамотных. Погост предоставлен сам себе, и здесь, казалось бы, очень важно пробыть исследователю полгода или год.

Погост перенесен сюда с Севера лет 25 тому назад, когда он был в 25—30 верстах отсюда. Являясь новым поселком, Семиостровский погост своим внешним обликом, на наш взгляд, очень хорошо отразил определенный момент в жизни русских лопарей. Маленькие уютные избы и тупы, построенные большей частью из очень толстых досок «байдака», расположены по обе стороны широкой улицы. Часть построек

имеет лишь одну комнату с камельком, без сеней. Есть очень маленькие и низкие. Только довольно большие окна говорят о том, что постройки не старые. Действительно, по рассказам лопарей, избы стали строить лишь лет 40 тому назад. Раньше жили в вежах, сохранившихся лишь на летних кочевках. В избах сравнительно чисто. Почти везде есть деревянная кровать с пологом. У состоятельных крашенные полы. На столах клеенки. Как и в других погостах, не видно клопов. Таким образом, жилищные условия во многих отношениях лучше центральных губерний. Внешний вид указывает на очень

У камелька.

большие изменения, происшедшие в жизни лопарей в годы, предшествовавшие войне. Но не надо забывать, что погосты — только зимние поселения, где лопари проводят меньшую часть года. Погост — поселок оседлого периода времени, когда лопари отдыхают от кочевничества. Основу хозяйства — олени — пасутся где-нибудь в 25—30 верстах от погоста в стадах, куда ездят на ночь охранять их от волков. Богатые для охраны держат работников, а сами лишь изредка бывают в стаде. Охрана оленей, заготовка дров и корма для овец и закупка продуктов для семьи, по возможности, на год — вот главные заботы лопарей в зимнее время. Крепкие хозяйства — а еще сохранились хозяйства, где 1000 и больше оленей — зимой работают мало. Слабые хозяйства вынуждены искать заработка и даже из Семиостровского погоста едут за 250 км. с оленями на железную дорогу работать на вывозке дров, живя месяца 2—3 в чумах или конических шалашах «куоксах».

Основными продуктами питания лопарей являются хлеб, рыба (соленая и вяленая, главным образом), оленина и чай. Состоятельные лопари питаются сытно, но очень однообразно. Совершенно нет молока, так как оленнее молочное хозяйство местные лопари оставили, а коров никто не держит. Даже в Ловозере, где у ижемцев много коров, ни у одного лопаря их нет. Почти в каждом хозяйстве есть немного овец, ведущих жалкое существование. Кормят их плохо, и им поневоле приходится быть санитарями, зорко следящими за всеми отбросами. При отсутствии уборных и определенных отхожих мест овцы предохраняют погост от загрязнения.

В Семиостровском, как впрочем и в других местах, население удивительно хорошо к нам относилось, благодаря чему нам удалось выполнить быстро основную работу и наблюдать быт, ходя по домам.

И здесь пришлось побывать на вечеринке и на свадебном «пире». Молодые, которых мы видели в Ловозере, вернулись домой, и в доме вотчима невесты был устроен «пир». В маленькой комнате бедного хозяина было поставлено два стола, занявшие почти все свободное помещение избы, кроме прохода между печью и кроватью. Гости сидели кругом составленных вместе по длине столов. В красном углу под иконами сидели вотчим молодой с женой, затем молодые, сваты и сватья. Молодая в шамшуре (женский головной убор) совершенно закрытой красным с цветами шерстяным платком, в ситцевых кофте и юбке. Молодой — в пиджаке, украшенном английскими булавками. На столах было угощение — рыбники, черный хлеб и стаканы и чашки с бражкой. После того, как все выпили по два стакана, сватья взяли тарелку, накрыли ее белой тряпкой (платком), положили небольшие корки белого и черного хлеба, немного соли, два куса сахара и поставили две рюмки. Молодые встали, взяли тарелку и стали подносить угощение всем, начиная с вотчима. Угощение начали с бутылки русской горькой, а затем перешли опять на бражку. Друга обращался по-русски от имени «князя и княгини молодых» с приглашением принять угощение, а молодые в это время кланялись. Все вначале пробовали водку понемногу, морщились, говорили «горко» при общем весельи. Молодые кланялись и целовались, после чего водка выпивалась до дна. При этом каждый высказывал добрые пожелания молодым и клал на тарелку деньги (рубли, полтинник), «олений» в виде сложенных рогообразно спичек, платки, табак, спички и т. д.

После угощения молодые опять заняли свои места, при чем молодая надела только что подаренный белый с цветами шерстяной платок. Подогрев себя бражкой, гости стали петь и притом исключительно русские песни. Девушки, смотревшие на пир, пробовали очень тихо и слабо петь: «Ах, вы сени, мои сени», «А мы просо сеяли» и др. песни. Только вотчим, сильно выпивший, вместо лопарской песни неоднократно исполнял мотив с завыванием, в котором звучала своеобразная музыка. В первом часу ночи пир был закончен, и случайно выйдя из дома на улицу, я был свидетелем погони вотчима за одним из гостей — сватом, который, со слезами пьяного человека, жаловался мне, что, если бы не я, он был бы убит. К счастью, это был лишь пьяный испуг, и дело кончилось только перебранкой.

На вечеринке в состоятельном доме танцовали под гармонью кадрили, «светлый месяц», новые и «норвежские» танцы, завезенные сюда колонистами из Дроздовки с Мурманского побережья. Молодые норвежцы—брат и сестра—бывшие на вечеринке, научили лопарскую молодежь даже подпевать по-норвежски. Особенно хорошо и весело танцовали кадрили, с выбеганием в одних платьях на улицу. Днем танцы и хороводы устроили прямо на улице.

Из упомянутого можно заключить, что, несмотря на изолированное положение, семиостровские лопари сильно подверглись внешним, осо-

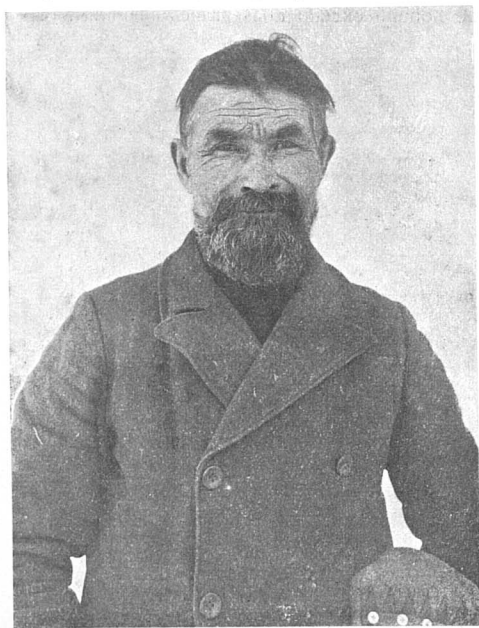

На свадебном «пиру».

бенно русскому, влияниям. Кроме песен, мы слышали и сказки, точно также большею частью русского происхождения. От старого лопарского культа остались жалкие обрывки, а еще население помнит последнего нойда (шамана) Максима Мелентьева, умершего лет тридцать тому назад. У него, как рассказывают, был бубен, о котором мы всюду расспрашивали. Кроме того, сюда приезжал давно из Большеземельской тундры самоед, у которого был шаманский бубен. Ни здесь, ни в других лопарских погостах бубнов не сохранилось.

Если в материальной и духовной культуре мы всюду чувствуем русское влияние, то и в физическом типе не мало чуждых природе лопарей особенностей. Встречается высокий рост, светлые волосы, длинные лица, прямой и узкий нос, при крайней низкорослости, круглолицости и темноволосости большинства взрослого населения. В Семиостровском отмечено несколько человек с золотисто-рыжева-

тым отблеском русых волос. Среди детей не мало белокурых, при чем девочки темнее мальчиков. Необходимо отметить, что дети производят впечатление толковых и способных. К сожалению, никто не учится, так как нет школы. Наш приезд одновременно с производством переписи всколыхнул тихий погост, а кое-кого даже напугал. С нами освоились очень скоро и перестали бояться, а статистика побаивались, во всяком случае, не всегда доверяли. Самым большим

Лопарь из Иоканги.

вопросом были олени. Никто не хотел указать правильно их количество. Много труда стоило хотя бы приблизительно установить размеры стад. У человека больше 1000 оленей, а он говорит 250 или 500. Только перекрестные опросы, сопоставленные бедных и богатых хозяйств и проверка состава стада — количества гирвасов (быков), важенок (маток) и других голов и количества приплода, давало возможность обнаружить обман и подойти к более или менее верному числу оленей. Например, наш хозяин, имея больше 1000 оленей, уверял, что у него около 500, а хозяйка, рассказывая о расспросах статистика, делала уди-

вленный вид и наивно говорила: «Хотят знать, сколько оленей? А лешой их знает!» Вместе с тем хозяева сами говорили, что за год их семья съела 70 оленей, и что они хотят продать 60 «постелей» (шкуры).

Когда мы уезжали, нас провожали на улице почти все семиостровцы. Восемьдесят верст до Каменского погоста ехали с 10 час. утра до 9 час. вечера. Стояла теплая погода. Дорога была очень интересна. Открытая тундра сменялась красивыми местами около речек, озер, леса и гор. Особенно интересна местность ближе к Каменскому погосту, Каменные вараки местами очень красиво выступают среди леса или по берегам озер. Удивительно хорош самый

погост, расположенный на берегу большого болота на отлогом склоне довольно высокой варачи, покрытой лесом. Маленький поселок—15 дворов, образующих узкую улицу, закрытую с одного конца поперек поставленной избой. Выше погоста на склоне горы стоит часовня, выделяясь на белом снегу и на фоне хвойного леса.

Вблизи от погоста местность очень красива. Высокий, местами строевой лес, отдаленный ландшафт, открывающийся со сравнительно

высокого места, при лунном освещении и легком морозе производят прекрасное впечатление и благоприятно отличают положение Каменского погоста от других. Вот где следовало бы поработать геологам. Старинный, когда-то богатый Каменский погост, с которым связано большинство терских лошадей, в настоящее время, сильно опустился. Там всего 61 человек. Правда, есть два хозяйства, где, по официальным данным, больше 200 оленей. Чаше количество оленей около 25—40, другими словами меньше, чем необходимо для оленеводческого хозяйства. Поэтому, каменские лопари живут бедно и вынуждены заниматься рыболовством и извозом.

Слабость хозяйства Каменского погоста особенно сильно подчеркивается, когда увидишь в 8 верстах от него ижемский поселок Ивановку, возникшую десять лет тому назад, весной 1917 года.

В противоположность маленьким грязным лопарским тупам, здесь вы поражаетесь громадными, высокими, светлыми постройками севернорусского типа. Здесь вы находите скотные дворы с водогрейками и полом. Видите бани, которых нет у лопарей. Видите молочный скот, местные овощи и пр. Там нет школы, но учительница живет в частном доме и занимается, ездя вместе с тем два раза в неделю и в Каменский погост для занятия с лопарскими детьми.

Ивановка получила название от основателя ее Ивана Рочева, старика 73 лет, сильного, властного и предприимчивого. Его мы видели

Молодая лопарка из Иоканги.

в Ловозере. Но он не является исключением. В Ивановке мы видели одного ижемца, 46—47 лет, который также был одним из первых поселенцев. Грамотный, бывший матросом Балтийского флота, плотник и столяр, много видевший и знающий, он теперь прекрасно ведет свое хозяйство в глуши тундры. У него по официальным данным 200 оленей, 2 коровы, 2 быка, нетель, 7 овец, 5 свиней, 1 кура. Имея 8 человек семьи, он владеет большим домом, двумя нежилыми избами, двумя сараями, хлевом и баней. У него есть книги, газеты. На столе мы увидели «Огонек» — юбилейный номер, посвященный 200-летию Академии Наук. Есть хозяйства более сильные.

Новое поселение ижемцев привлекло сюда нескольких самоедов, лопаря и даже две русских семьи. В настоящее время здесь 113 жителей, в то время, как в Каменском 61. Здесь помещается и сельский совет, что ставит Каменский погост в зависимость от Ивановки. Ивановка станет, несомненно, районным центром, тем более, что лет пять тому назад возникли верстах в 35—38 от Ивановки два новых ижемских поселка—Красная Щель (Щелья), где 37 жителей, и Оксино, в 3 верстах от нее, где 9 человек.

Внедрение такого сильного соседа, как Ивановка, несомненно, является угрозой существованию Каменского погоста, а дальнейшее расселение и количественный рост ижемцев с их оленями является угрозой благосостоянию лопарей вообще. Каменским лопарям необходимо взвесить новые условия их существования, так как административно они оторвались от Поноя и присоединены к Ловозеру, в связи с чем они лишились права участия в семужьем лове на р. Поное.

Знакомясь с бытом каменных лопарей, мы замечаем, что здесь лучше сохранились лопарские костюмы. По крайней мере у всех мужчин есть меховые шапки, украшенные бисером, а женщины носят особую обувь—меховые каньги с загнутыми вверх носами, как у западных лопарей. Здесь же удалось найти рову—дорожное меховое одеяло с мешком для ног. В холодную погоду поверх обычной теплой одежды закутываются в рову, предохраняющую особенно ноги от мороза и не дающую в метель снегу забираться под верхнюю одежду. Наблюдая питание лопарей, пришлось видеть, как ловко лопари разбивают тупым концом ножа длинные кости, чтобы достать мозг,—любимое лакомство лопарей. Если сказать, что разбивается и высасывается за обедом не одна кость, а полное блюдо, то можно представить самую картину этого лакомства.

Темною ночью мы ехали дальше—в Иокангский погост, находящийся в 100 км. от Каменского. Выехали поздно, так как ветер, снег и теплая погода пугали ямщиков; они медлили, рассчитывая, что мы отложим поездку. Ехать пришлось без дороги, по приметам. Несмотря на ночное время и плохую погоду, лопари удивительно хорошо ориентировались в пути. Дорога шла большею частью лесом или кустарниковыми зарослями около речек. Приходилось подниматься на высокую «кейву», служащую водоразделом в этой части полуострова, а затем опять спускаться. По пути останавливались около бывшего Куроптевского погоста. Еще в 1923 году в нем было 19 жи-

телей. Теперь же остались лишь занесенные снегом постройки, большей частью разрушенные. Остатками одной тупы обычно путники пользуются для остановок. Разведя костер, жгут части построек, что ускоряет процесс разрушения. Очень скоро от погоста, сохраняющегося на географических картах, останутся лишь отдельные деревянные

Улица в Каменском погосте.

части построек и воспоминания сторожил. Жители погоста переселились в Иокангский и Лумбовский погосты.

В 12 час. дня 3-го февраля мы приехали в Зимний Иокангский погост, который привлекал нас, как самый восточный материковый лопарский погост. Зимняя Иоканга, как здесь, говорят, расположена

Каменский погост.

на высоком склоне вараки над небольшой речкой, впадающей в Поной. В противоположность Семиостровскому и Каменскому погостам, Иоканга растянулась вдоль открытого склона широкой прямой улицей с избами по обе стороны. За избами амбарчики с развешенным мясом, выделяющимся яркими красными пятнами; поодаль стоит церковь, как можно видеть на первом рисунке. В Иоканге—165 жителей, вместе с летней резиденцией на Мурманском побережье—Летней

Иокангой. Как здесь, так и там имеются постоянные постройки, при чем в Летней Иоканге, они даже лучше, чем в Зимней. Еще в Ленинграде мы решили сосредоточить внимание на Иоканге и начать собирание материала для монографии восточно-лопарского погоста, опираясь на Иокангу. Поэтому, в дальнейших работах Иоканге будет уделено особое место. В настоящее время, лишь несколько слов скажем о наших впечатлениях. Большой погост, удаленный от железной дороги, Иоканга поддерживает связь с внешним миром; главным образом, летом. В Иокангском погосте, повидимому, сильно подвергав-

Каменские лопари.

русскому влиянию, больше, чем в других упомянутых погостах чувствуется устойчивость лопарского хозяйства. Здесь есть несколько хозяев, которые оправились после глубокого хозяйственного кризиса, вновь наладили свое хозяйство и проявляют инициативу и энергию в деле дальнейшего его укрепления и улучшения. Правда, это не легко им удастся, но важно отметить самое стремление, что слабо заметно у большинства лопарей других погостов. Наряду с этим Иокангские лопари культурнее, здоровее и крепче. В хозяйственном отношении Иокангские лопари отличаются тем, что, являясь оленеводами, они вместе с тем промышляют семгу на Мурманском побережье, а зимой ходят на торовый (тюлений) промысел в горло Белого моря. После Сретенья (2/15 февраля) все мужчины уходят на полтора—два месяца, оставляя дома лишь женщин и детей. Тяжелый и опасный промысел служит подспорьем в их хозяйстве. Кроме того, в Иоканге больше развита охота, главным образом, на белых куропаток. Все это дает Иоканге преимущества, отражающиеся на общем облике населения. Здесь мы встречаем не только никелированные самовары, но и мясорубку, и стенные хорошие часы, и граммофон и т. д. При этом, сохраняются национальные костюмы и многие пережитки прошлого.

Закончив измерения, имея 300 индивидуальных лопарских антропометрических карточек, мы решили двинуться дальше первоначаль-

шемся русскому влиянию, больше, чем в других упомянутых погостах чувствуется устойчивость лопарского хозяйства. Здесь есть несколько хозяев, которые оправились после глубокого хозяйственного кризиса, вновь наладили свое хозяйство и проявляют инициативу и энергию в деле дальнейшего его укрепления и улучшения. Правда, это не легко им удастся, но важно отметить самое стремление, что слабо заметно у большинства лопарей других погостов. Наряду с этим Иокангские лопари культурнее, здоровее и крепче. В хозяйственном отношении Иокангские лопари отличаются тем, что, являясь оленеводами, они вместе с тем промышляют семгу на Мурманском побережье, а зимой ходят на торовый (тюлений) промысел в горло Белого моря. После Сретенья (2/15 февраля) все мужчины уходят на полтора—два месяца, оставляя дома лишь женщин и детей. Тяжелый и опасный промысел служит подспорьем в их хозяйстве. Кроме того, в Иоканге больше развита охота, главным образом, на белых куропаток. Все это дает Иоканге преимущества, отражающиеся на общем облике населения. Здесь мы встречаем не только никелированные самовары, но и мясорубку, и стенные хорошие часы, и граммофон и т. д. При этом, сохраняются национальные костюмы и многие пережитки прошлого.

начально предположенного маршрута и доехать до с. Поноя. Осталось еще около 170 км. но, по общему признанию, самого тяжелого пути. Большая часть дороги идет по голой тундре, доступной морским ветрам. В силу особого положения здесь постоянные ветры, причиняющие очень большие неприятности путникам. Наш ямщик, бывалый и опытный лопарь, рекомендовал нам выехать днем, чтобы к ночи доехать до ижемцев, а с рассветом ехать дальше, чтобы к вечеру приехать в Поной. Мы так и сделали, выехав в час дня. Стояла прекрасная погода, неожиданно вскоре сменившаяся на мокрую снежную погоду. Вечером добрались до Зимнего Лумбовского погоста, в 40 км. от Иоканги... Ни лая собак, ни звука... Уныло стояли постройки; улица пуста. Еще в 1925 году считалось здесь 76 человек

Лопарские девушки с прутьями для веников.

жителей. В этом году никто не приехал из Летнего Лумбовского погоста. Погост умер. Потрясения последних лет, особенно разверстка оленей, ослабили хозяйство лумбовцев, олени вытоптали ягель поблизости от погоста, не стало близко дров — таким образом создались благоприятные условия для разложения старого быта. Между тем, почти рядом в 10 км. на берегу р. Поноя возникло недавно новое ижемское поселение—Каневка, названная по имени ижемца Ф. В. Канева, три года тому назад поселившегося здесь. Подъезжая к Каневке, мы поняли преимущества местоположения поселка. Расположившись на берегу р. Поноя, среди хорошего леса, окаймляющего долину реки, имея пожни и рыбные угодья, Канев прекрасно устроился вместе со своими братьями. Теперь здесь 4 дома. Сюда же тянутся и лопари. Канев рассказывал, что он взял подряд на перевозку сюда четырех лопарских изб из Лумбовского погоста. У Канева громадный еще не вполне достроенный дом с балконом. Он был рассчитан на четыре семьи, но теперь братья решили жить

отдельно. Для одной семьи дом слишком велик и не уютен. Здесь кроме русской печи стоит голландка. Живут Каневы, повидимому, не плохо. Обилие молока, масла, белый хлеб, оленина, рыба, для развлечения постоянно здесь ночующих проезжающих граммофон, газеты—все это говорило о достатке.

От Каңевки нам оставалось еще 100 км. до с. Поной. Переночевав, рано утром отправились в последний пункт нашего движения на Восток. Проехав немного по реке с высокими лесистыми берегами, вскоре поднялись по одному из маленьких притоков Поной на тундру. Там мы почувствовали всю разницу условий езды в тиши речной долины и на вершине голой тундры, вдающейся с трех сторон в море. На тундре было сильное «куруво». Ветер все крепчал, поднимая снег, бьющий в лицо, залепляющий глаза, забирающийся под малицу и всюду. Олени несли по твердой каменистой тундре, едва покрытой снегом, сохранившимся в большом количестве лишь в углублениях. Ни дороги, ни лесу, ни отдельных возвышений не было видно. Временами вдали вырисовывалась густая мрачная синева в стороне моря, а с другой стороны по светлomu отблеску и какому-то особому розоватому тону снега можно было догадываться о том, что был солнечный день. Мело так, что иногда все сливалось в общий вихрь, в котором вился и бушевал неудержимый ветер со снегом. Можно было различить лишь оленей, временами переднюю подводу... А олени бегут, без дороги, руководимые опытным хозяином. Лишь изредка попадают сохранившиеся от старого времени отдельные вехи, успокоительно говорящие о том, что мы едем правильно. Но вот олени стали, ямщик наш забеспокоился—сбились с пути. Начали ходить среди бушующей тундры и искать следов когда-то обвешенной дороги и определять по снежным суметам правильное направление на Поной. Найти его было необходимо, так как нам предстояло вновь спуститься на реку Поной, что можно сделать лишь в двух местах. Опасность езды здесь и заключается в том, что берега Поной и его притоков образуют отвесные обрывы—пахты, куда сбившись с пути, не трудно «завалиться». Надо очень хорошо знать тундру, чтобы, не заблудившись, выехать к спуску. Вскоре наш доктор, отошедший далеко от подвод, нашел старую веху, и мы двинулись опять в путь. Ямщик торопил оленей, чтобы до темноты попасть на реку. Ветер не стихал, погода оставалась без изменения, но менялось освещение, краски, менялась тундра. Может казаться, что тундра скучна и однообразна. Нет, она бывает причудливо разнообразна в своем величии и силе. Но любоваться ей можно, только имея хороших оленей, ямщика и теплую одежду. Незадолго до нас один житель Поной заблудился верстах в десяти от села. Олени устали, он вынужден был выбираться на дорогу пешком. И только случайно проезжавшие мимо подобрали его с отмороженными руками и ногами.

Часов в 6 мы остановились у спуска, куда совершенно точно повез нас ямщик. Пришлось сходить с подвод и спускаться узким крутым ущельем, держа сзади подводы, чтобы их не разбило. Ноги тонули в снегу. Неоднократно приходилось вязнуть и падать. Наконец, у самой реки олени побежали и поволокли за собой перекаты-

вающегося по снегу, но не выпускающего возжи В. В. Чарнолуского. Но это было только забавно. Другое приключение при спуске к Каневке было более неприятно и опасно. Там спуск был отлогий. Мы ехали на подводах. Олени вихрем неслись вниз, при этом задняя четверка с разбегу наткнулась на кустарник, оборвала упряжь и выронила седоков. К счастью, олени близко подбежали к другим подводам, и их сейчас же поймали.

Выехав на р. Поной, мы любовались отвесными скалистыми берегами, высоко поднимавшимися над нами. В неширокой долине реки было тихо, покойно и тепло. Путь наш был верный и прямой. Оставалось километров десять до Поноя. За нами оставалось 600 км. санного пути. Увлекаемые вперед желанием доехать до конечного пункта мы преодолели пространство. Временами охватывало жуткое чувство опасности, а возможность несчастья лишь усиливала стремление достигнуть цели и увеличивала прелесть зимней поездки по тундре.

Весь путь до Поноя пройден. Мы добрались до телеграфных столбов, почты, большого русского села, откуда могли подать свой голос и услышать ответ. Здесь мы могли узнать, что делается за пределами тундры, могли сообщить о нашей работе. Прodeлав основной маршрут, мы вместе с тем выполнили нашу главную антропологическую задачу.

Село Поной, расположенное на уступах высокого левого берега реки Поной близ впадения ее в горло Белого моря, является старинным русским селом, насчитывающим в настоящее время 300 человек жителей. Сюда стекались с давних пор из разных концов русского севера промышленники ради рыбных богатств, тюленьего промысла и пушины. Даже теперь, ведя регистрацию при производстве измерений, мы могли отметить выходцев из Шенкурского, Архангельского, Кем-

Лопарь из Иоканги.

ского уездов и из разных селений Терского берега. Здесь происходили встречи на промыслах с лопарями. Сюда приходили лопари, пожелавшие порвать с кочевым бытом. В настоящее время несколько фамилий поноян определенно лопарские (Друженьковы, Горбунцовы, Харлины, Матрехины и др.). Все они стали русскими, забыли лопарский язык и полукочевой быт, но некоторые помнят, что дед, бабка или даже отец говорили по-лопарски и происходили из Каменского,

Иокангские девушки-сестры.

Иокангского, Лумбовского или Куроптевского погостов. Для нас в антропологической работе они представляли особый интерес. Измерив 100 человек, мы имели возможность убедиться, что некоторые лопарские особенности сохраняются у поноян, хотя рост, форма лица и другие признаки у большинства значительно отличаются от лопарских. Интересно отметить, что в процессе обрусения основную роль играют перекрестные браки. Наряду с сохранением отдельных особенностей антропологического типа сохраняются этнографические признаки. Напр., в некоторых семьях не только дети, но и старики носят лопарские «каппоры», почти не сохранившиеся в лопарском центре—Ловозере.

Поной сильно отличается от лопарских селений. Красивое местоположение, довольно широкая река с очень высокими берегами, две церкви, школа, клуб, почтово-телеграфное отделение, кооперативы с их конторами, врачебный пункт (временно закрыт), волостные учреждения, хорошие просторные постройки придают Поною особый вид поморского административного и культурного центра. Семужий лов, торосовые промысла создают благополучие жителей. Правда, они не оставляют оленеводства, но ведут его в форме изобного хозяйства или отпускают олений пастись в больших стадах. Проходя по улицам

За чайным столом у камелька.

села, повсюду можно видеть оленей, лежащих около груд ягеля, который хозяева запасают для корма скота.

Мы устроились очень удобно, благодаря гостеприимству наших хозяев. В комнатах было просторно, чисто и уютно. По русскому обычаю предложили пойти в баню, что мы с удовольствием сделали. Было очень приятно помыться после месяца пути и, попарившись, выйти умыться снегом. Испытав северное удовольствие, мы поздравили себя с благополучным прибытием коньяком, который имели на случай мороза. 10-го февраля погода, благоприятствовавшая нам все время, удивила нас. Шел снег, а затем наступила оттепель и пошел дождь. На улице было так сыро, что нельзя было выходить в валенках.

Были в клубе на вечеринке. Молодежь одета как в городе. Девушки в коротких юбках. Только женщины продолжают носить кокошники

с мягким очельем, на которое повязывают платок, завязывая его сзади, так что остается открытым вышитое золотом донце кокошника. Сарафанов совсем не видно; лишь дома за работой пожилые женщины бывают в сарафанах. Танцуют здесь под гармонью кадрили, краковяк и др. В избе-читальне при нас были получены шашки, шахматы и домино. Так, мода и новые интересы проникают в самые отдаленные места.

Закончив антропологические работы, мы должны были разъехаться. Я решил вернуться Терским берегом на Кандалакшу, а мои сотрудники, как было предположено, должны были возвратиться в Иокангу, пожить там, побывать в Летних Иокангском и Лумбовском погостах и с последним пароходом выехать оттуда в Мурманск. Так и сделали. 12-го февраля утром, после месяца совместной дружной жизни и работы, мы расстались спаянные общими незабываемыми впечатлениями и интересом к небольшому народу, обделенному вниманием к нему и заботами о нем более культурных и сильных людей.

Я выехал первым в Сосновский погост, находящийся в 100 *км.* от Поноя. Была хорошая погода—небольшой мороз. Мой ящик ехал всю дорогу с открытой головой. Проехав километров пять по Поною, мы поднялись на тундру, которая на этот раз была совершенно иной, чем пять дней тому назад. Не чувствовалось той грозной стихии, но как хорош был снег, бегущий небольшими струйками по насту, увлекаемый ветром по необъятной тундре. Как красив при солнце отблеск затвердевшей снежной пленки; как меняется небо в течении дня; как ярк и красив снег в сочетании с темными елями при лунном свете; как сказочны деревья, совершенно засыпанные снегом и инеем и стоящие причудливыми фигурами.

По пути до Сосновского погоста проехали мимо вновь возникших поселков: в пятидесяти пяти *км.* — Пялки, и в девяноста—Снежницы. Пялка, состоящая из трех домов, и Снежница, где два дома, построены в 1922 г. русскими выселенцами из Чапомы. Как рассказывают, упадок семужьего промысла на Терском берегу заставляет население искать выхода, меняя как местожительство, так и основные промысла. В данном случае люди придвинулись непосредственно к торосовому промыслу.

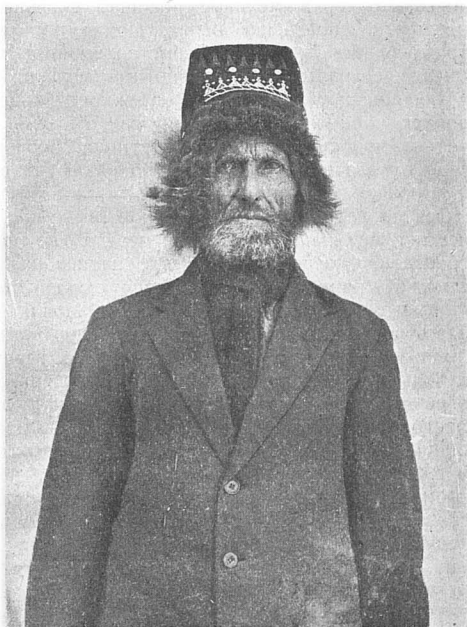
Приехав в Сосновский погост, остановился в большом доме наиболее состоятельного лопаря. Сосновский погост—единственный лопарский поселок, сохранившийся на Терском побережье южной части Кольского полуострова. И то на 17 дворов с 68 жителями мы имеем одну ижемскую, одну русскую и одну смешанную семью лопаря, женатого на русской вдове из Поноя. Все постройки русского типа, лишь в одной избе сохранился камелек. Правда, постройка не очень важная—большой частью из леса-плавуна. Для хозяйственных построек использован материал от старых судов. Зато здесь встречаются уборные и бани. В Сосновском одно общее оленье стадо в 400 голов, из них около 250 одного хозяина. Большинство держит оленей лишь для езды, так как лошадей здесь нигде нет. У одного лопаря есть корова. Сосновские лопари уже не кочуют и живут рыболовством, звероловством и охотой, жалуясь на плохие промыслы последних лет. Одним

из доходных промыслов является охота на песца, но их за последние годы мало. Деревянные ловушки—пасти стоят в большом количестве в тундре, но песец не идет к «приваде»...

По привычке расспрашивая лопарей, узнал, что в 35 км. на берегу озера Бабьего находится сейд—гора или «сейдушки», как говорят лопари. От когда-то распространенного культа сейдов в настоящее время осталось очень мало. Здесь впервые удалось услышать от лопарей о почитаемой сейд-горе. Положим, и здесь лопари с усмешкой рассказывали мне о «сейдушке».

А старик сказал, что теперь «я да брат только придерживаемся». Тем более мне захотелось поехать и посмотреть лопарское священное место. Направляясь к сейд-горе, километрах в 25 от погоста на болоте мой ямщик увидел диких оленей. Молодой парень сильно оживился и загорелся желанием поохотиться. Подъезжая ближе, стали отчетливо различать стадо около 20 оленей, отдыхающих на болоте. Когда мы были на расстоянии 150—200 сажен, олени заметили нас, стали приглядываться и... вдруг быстро побежали за вожакон. Лопарь погнался наперерез стаду и, видя невозможность подехать ближе, выстрелил вслед оленям.

Я, сидя на санях, не мог оторваться от поразительной картины оленьего бега. После первоначального испуга, какое-то величие и сила чувствовались в дикарях, возглавляемых высоким белым с большими рогами оленем. Благодаря этой неожиданной встрече, отвлекшей нас в сторону от прямого пути, мы запоздали. Погода изменилась. Туман рассеялся по тундре. Мы подехали к сейд-горе в четвертом часу: фотографировать было безнадежно. Мы стояли на крутом обрыве горы—кейвы—отделенной от немного более высокой сейд-горы глубокой котловиной с четверть версты шириной. Внизу в

Русский из Поноя.

стороне от мелкого леса на снежном покрове выделялась темная лента незамерзающего ручья, вытекающего из-под сейд-горы. Время шло, а погода не изменялась. Верхушка «сейдушки» то скрывалась в тумане, то снова вырисовывалась на свинцово-сером небе. Испортил пластинку и спустился вниз, где сфотографировал ручей. Подъехав к подошве горы, решили подниматься на вершину. Я снял маску, надел платок на голову, взял аппарат и полез вверх за лопарем. Крутой склон горы был покрыт глубоким снегом. Ноги проваливались до самого верха, меховые подошвы скользили. Сделав два-три шага, неизбежно сползаешь назад. Мой юный спутник скоро преодолел трудную часть подъема. Я быстро выбился из сил, стал чувствовать биение сердца. Аппарат и треножник мешали пользоваться руками, как делал лопарь. Сознывая безнадежность своего положения, я бросил лопарю треножник и, накопив сил, снова и снова делал усилия подняться, что сместило моего спутника. Сердце так билось, что следовало отказаться от подъема, но каким-то образом при помощи рук я выбрался из злополучного места, а затем без особого труда поднялся на вершину. Уже заметно стемнело, было совсем пасмурно, но все же картина открывшаяся передо мной вознаградила меня. Конусообразная вершина сейд-горы царила над окружающим пространством безграничной тундры. Внизу с одной стороны котловина, покрытая лесом, с другой большое озеро. Можно представить, как красиво здесь в ясный солнечный день, особенно летом. Именно, здесь должны были лопари молиться природе. Самая вершина, покрытая по краям небольшим кустарником, была занесена снегом. Лишь верхушки оленьих рогов выглядывали из-под снежного савана и обнаруживали место жертвоприношений. Сюда приходили лопари после удачной охоты и приносили рога убитых дикарей, сюда приходили в радости и горе и приносили медные деньги, бисер и пр. На этой горе перед японской и германской войнами будто-бы слышались выстрелы, предсказывавшие народное бедствие. Моя хозяйка спокойно, но убедительно и с полной верой говорила мне, как «стреляло» на горе, как она, ночуя в летней избе около горы, сама слышала, «пробудилась» и выбежала на улицу—«была часта стрельба» и т. д.

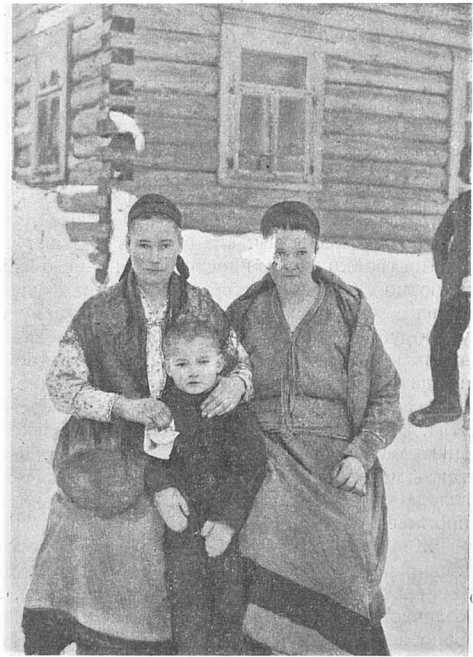
Сфотографировав на всякий случай и взяв небольшие уже полу-сгнившие рога дикого оленя для Музея, я спустился вниз удовлетворенный тем, что побывал здесь.

Возвращаясь в погост, любовался северным сиянием, третий раз за все время путешествия. Говорят, что в этом году сияния были редки и не очень интенсивны. Красивая чарующая картина даже слабого сияния незабываема. Но, к сожалению, не пришлось видеть чудесных картин, описанных в литературе.

На другой день, смерая и сфотографировав семь человек лопарей, я двинулся дальше, на этот раз, по укатанной настоящей дороге вдоль Терского берега. Здесь уже трудно сбиться с дороги, селения попадают часто, зато олени не те, что в тундре. Имея 5—10 оленей, хозяева за зиму так их вымучивают ездой, что трудно ждать от них хорошего бега.

Следующую остановку наметил в с. Пялице—65 км. от Сосновки.

Проехав мимо новых русских маленьких поселков—Качаловки и Бабьей, остановились в существующей лет 60 деревне в 4 дома—Пулонге. В Пулонге пили чай. Сразу бросаются в глаза отличия русских поселенцев от лопарей: высокий рост, стройные фигуры, красивые женские лица и пр. Ребята в избе играли «оленьями», искусно сделанными из лучины. Как в Сосновке, так и здесь, главная тема разговоров — торосовый промысел. Все спрашивают, видели ли зверя на льду и начали ли промышленять. Промысел обычно начинается после Сретенья, как раз когда я ехал. К этому времени на плавающих в море льдинах (торосах) и на «припае» около берега начинает залегать тюлень для деторождения. От Орлова мыса до Сосновца — самые лучшие и обильные места для промысла, куда съезжаются на $1\frac{1}{2}$ —2 месяца русские и лопари за сотни верст. Этот промысел заслуживает особого внимания исследователей тем более теперь, когда всюду жалуются на его упадок, и когда норвежская концессия и наши промысловые пароходы уничтожают зверя в большом количестве

Русские из с. Пялицы.

раньше времени, а главное отпугивают его. Если раньше, по словам населения, зверь «выгрabal очень высоко» вдоль Терского берега, то теперь он отходит все дальше и дальше в сторону к Канину полуострову... Направляясь после чаепития в Пялицу, мы стали встречать «торосовщиков», едущих с лодками и необходимым имуществом на санях. И первое слово, после приветствия, о звере: «Как, видели?—Нет. Говорят, показался у Орлова».

Большое село Пялица расположено на обоих берегах широкой реки Пялицы, близ самого устья. Это и есть та самая река, где когда-то проходил «лопский рубеж» и где на одном берегу жили

русские, а на другом лопари. Пялица уже давно русское село, но и теперь здесь есть прямые потомки лопарей, как по фамилиям—Самохваловы, Кузнецовы,—так и по собственным признаниям. В силу этого, я считал обязательным и здесь произвести измерения, чтобы пополнить понойский сравнительный материал. Это легко удалось сделать при содействии председателя сельского совета и учителя, хотя я был один. Мужчины жаловались на болезнь глаз под воздействием весеннего снега, солнца и ветра и выражали недовольство тем, что не могут купить синих очков. Смерив 55 человек, я кончил весь запас антропометрических карточек, использовал все пластинки, оставив три на всякий особый случай, кончил сыровотку для изоагглютинации крови и, повидимому, исчерпал энергию и терпение заниматься измерением—этим далеко не приятным делом, особенно в большом количестве. А нам пришлось в месяц смерять почти 500 человек и при том в необычной обстановке и при постоянных и больших переездах...

Население очень хорошо относилось и было очень приветливо. Точно нарочно в то время, как я мерял людей, участковый агроном мерял коров. По рассказам, его боялись больше, чем меня.

Постройки здесь просторные, но очень хорошие. Внутри чисто и уютно. Впервые за время поездки угощали ухой из свежей рыбы. Только что начался ход наваги в реку во время приливов. Сидя у прорубей с маленькими удочками, рыбаки вылавливали в короткое время корзины рыбы. Пробовал ловить, но неудачно—рано пришли, а ждать полой воды было долго и холодно. Был на заседании выездной сессии суда, слушал мелкие, но интересные в бытовом отношении дела. Не менее интересна и сама обстановка суда, превлекшего к себе внимание чуть не всех жителей Пялицы. В школе был устроен спектакль. Ставили пьесу из жизни во время голода в Поволжье. Ужасы голода были мало понятны. И здесь интерес времени—торосовый промысел.

Живя морским промыслом и рыболовством, население держит коров, овец и оленей. Последних немного. Держат их в общем стаде верстах в 10 от села. Скот кормят ягелем, заготавливая его в большом количестве и разогревая в воде в зимнее время. Имеются и пожни. Сено держат в зародах, при чем, чтобы скот и ветер их не трепали, покрывают сетями. В общем, скот питается плохо, особенно овцы, которые здесь, как и у лопарей, выполняют роль санитаров.

У хозяев на божнице видел козулю—пряник из ржаного теста. Их, большею частью в виде оленя, делают на Рождество и раздают ребятам—славельщикам.

В Пялице я кончил работу, но оставалось проехать больше 400 километров до железной дороги, и я невольно наблюдал и собирал попутно этнографический материал. Да и как не собирать, когда проезжаешь таким интересным местом, как Терский берег. Впечатлений было немало, но надо сюда ехать специально, почему в настоящем отчете не буду делиться обрывками наблюдений тем более, что и место не позволяет.

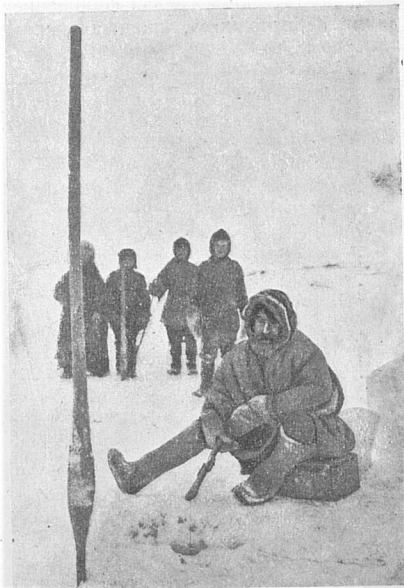
Кратковременное пребывание в больших селах—Тетрине, Кузо-мени, Умбе, в деревнях Чапоме, Чаванге, Оленице, Колвице дали мне

лично очень много—прежде всего, убеждение, что сюда надо направить и исследователей, и практических деятелей для помощи населению, переживающему тяжелый кризис.

Если еще празднуют Сретенье, как предпромысловый праздник, и по обычаю усиленно выпивают,—«лысцю голову оливают», если и теперь тещи, собирая зятя на промысел, пекут в подарок особый пирог из белой муки с рыбой, то все это, как и самый промысел, лишь жалкие остатки былого. Точно также не обеспечивает населения и семужий промысел, благодаря уменьшению рыбы, несоответствию цены рыбы на месте с ценой конопля, сетей и издержек промысла вообще. Поэтому, население Чапомы, Пулонги, Чаванги и др. селений начинает разбегаться, уезжая к Поною или к железной дороге...

Меня оленей возможно чаще и проводя в санях почти круглые сутки, я быстро двигался вперед, стараясь не задерживаться в очень интересных самих по себе местах. Последние 250 км. ехал, самостоятельно управляя оленями. Это доставляет большое удовольствие при хороших и бойких оленях и мучение при загнанных и голодных. Погоняя их непрерывно хореем, вы устаете больше, чем они. Все ваши расчеты времени идут на смарку, вы волнуетесь, теряете терпение, а олени не идут, часто останавливаются и готовы оставить вас ночевать где-нибудь в ягельнике. Зато, как приятно на бойких оленях в хороших санях спускаться под гору, управляя и тормозя хореем для того, чтобы не вывалиться на поворотах или не разбиться об деревья.

В Колвице—единственной здесь карельской деревне,—я услышал знакомое по северо-западной Карелии приветствие «челом тэрвэ», обрадовался и убедился, что поселившиеся лет 30 тому назад в 27 км. от Кандалакши карелы происходят из Олангского района. В Колвице я кончил езду на оленях, сделав около 1.400 км., и поехал до Кандалакши на лошади. Мы очень торопились поспеть к поезду на Ленинград, чтобы сдать багаж, что удалось сделать в самый последний момент. Сам я решил проехать еще в Мурманск. С трудом и

Ловля наваги в р. Пялице.

волнениями все было устроено, и я хотел поставить мои вещи в надежное место до поезда. В поисках места я отлучился от подводы на 3—5 минут, оставив извозчика около вещей. И тут испытал крайнее и, пожалуй, единственное огорчение за всю поездку. Рога, которые я вез, рискуя сломать, больше 600 км., кто-то ухитрился украсть. Как было больно и досадно! Так омрачилась радость выезда из «лопи дикой» к культуре, электричеству и пару.

В Мурманске я сделал сообщение о работе экспедиции в Президиуме Губисполкома, прочитал доклад о нашей работе в заседании

Русская школа в Пялице.

Общества изучения Мурманской губернии и, пользуясь любезностью В. К. Альмова и д-ра Н. В. Халапсина ознакомился с материалами переписи 1926—27 года и санитарно-гигиенического обследования Ловозерского погоста. Кроме того, съездил в Кильдинский погост, находящийся в 18 км. от города.

В Кильдинском погосте школа, церковь, 10 жилых изб и туп, где помещается 20 лопарских семейств. Лопари живут здесь с декабря до мая. Лето проводят на тонях в заливе между Мурманском и Александровском, осенью на озерах в стороне Ловозера, живя там в вежах. Зимой работают на заготовке и перевозке дров в Мурманске и около железной дороги. Мужчины почти все грамотны, так как Кильдинская школа существовала еще до войны и, после перерыва, открылась вновь в 1925 году. Близость к городу и сравнительно хорошие заработки не делают кильдинских лопарей более состоятель-

ными. Отрицательные стороны культуры, прежде всего водка и болезни, здесь сказываются сильнее, и кильдинцы так же, как пулозерские лопари производят несравненно более жалкое впечатление, чем восточные лопари. В Кильдинском погосте сохранились еще старинные кережи, вытесненные совершенно санями в восточных погостах, за исключением Лумбовского. Наряду с этим здесь можно встретить финскую железную печь, финский диван-кровать. Сани появились здесь лет 40 тому назад под влиянием карел, возивших на санях проезжающих по тракту Кандалакша—Кола.

Использував свои последние три пластинки, я вернулся в Мурманск, а 26 февраля возвратился в Ленинград.

Лопарская школа в Кильдинском погосте.

Мои сотрудники, оставшиеся после моего отъезда в Поное, через несколько дней, возвратились в Зимнюю Иокангу, где вели наблюдения до 15-го марта. Длительное пребывание в погосте сблизило сотрудников с населением и дало возможность собрать обширный материал. Ознакомившись с бытом зимнего погоста, они проехали в летние Иокангский и Лумбовский погосты, находящиеся на морском побережье, и, живя там, значительно пополнили имеющийся материал. Ко времени приезда сотрудников в Летнюю Иокангу она представлялась состоящей из снежных сугробов, из-под которых только часть зданий выступала свободно. Некоторые избы были засыпаны снегом настолько, что можно было ходить по крышам. Как Иокангский, так и Лумбовский погосты представляли интерес своеобразием уклада жизни и обликом самих лопарей. В Лумбовском погосте, более культурном вообще, встретились интересные люди, сообщившие много ценных данных по духовной культуре и фольклору лопарей. К сожа-

лению, 2-го апреля шел последний пароход, и сотрудники вынуждены были, прервав работу, вернуться в Мурманск. Отсюда путем экскурсий они побывали в Тайболе и ознакомились с бытом лопарей на заготовках дров, где они живут в куоксах и чумах. Остановились на три дня в Пулозере для собирания дополнительных материалов и несколько дней провели в Кильдинском погосте и Коле. Пребывание в Мурманске было использовано для изучения архивных материалов и рукописных источников и данных Губстатбюро и уздравотдела, где, благодаря всемерному содействию В. К. Алымова и д-ра Н. В. Халапсина, экспедиция получила много чрезвычайно ценного материала.

11-го мая—через 4 месяца—сотрудники возвратились в Ленинград, благополучно закончив работы экспедиции.

Таков был ход деятельности нашей экспедиции.

Что касается результатов работ ее, то в настоящее время, когда материалы далеко не обработаны, ознакомим лишь в кратких словах с собранными материалами и подведем предварительные итоги в целях облегчения дальнейшей работы.

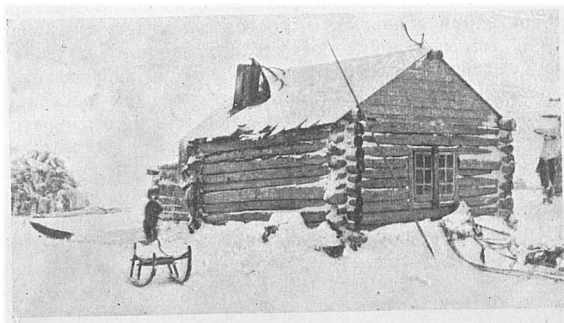
Изучены антропологические особенности лопарей, подвергнуты измерениям и осмотру около 500 человек: лопарей—156 мужчин, 100 женщин и 55 детей и подростков, русских—90 мужчин и 54 женщины, ижемцев—30 мужчин и несколько самоедов. Кроме обычных измерений, производились взвешивание, медицинский осмотр, определялась станова́я сила, сила рук, емкость легких и группы крови. Таким образом, получен достаточный материал для суждения о физическом типе и конституции русских лопарей, исчисленных переписью 1927 года в количестве 1.643 человек. Сравнительный материал о русских и ижемцах особенно сильно подчеркивает природные особенности низкорослых (1551,9 мм.) и слабосильных лопарей. Вместе с тем, собран материал о состоянии здоровья, степени распространения различных болезней, о народной медицине и о санитарно-гигиенических условиях жизни. Осмотр измеряемых и обращавшихся за медицинской помощью в количестве более 300 человек дал возможность установить, что чесотка, фурункулез, хронический бронхит и желудочно-кишечные заболевания довольно сильно распространены среди населения. Нервные болезни и туберкулез встречаются редко. К счастью, очень мало сифилитиков—5 случаев, и рахитиков—2 случая. Болезни обычно в запущенном состоянии. Это понятно, так как на весь громадный край имеется один фельдшер в Ловозере, фактически обслуживающий почти только Ловозеро. Больничного лечения совсем нет, если не считать Мурманска. Население совершенно не лечится или прибегает к народной медицине, применяя смолу, сажу, глину, травы, оленьи жи́лы, овечью шерсть, льняные нитки и пр. в большинстве случаев с наговорами. Данная область была точно также была предметом нашего изучения.

Питание изучалось в семьях с различным достатком. Более или менее нормальное по количеству калорий питание характеризуется недостатком жиров при значительном количестве белков. У лопарей совершенно отсутствует молоко; крайне редки овощи, лишь карто-

фель чаще встречается и иногда лук, употребляемый вместо лимона при чаепитии.

Подробно исследовались санитарно-гигиенические особенности построек, с обмерами, измерением кубатуры, влажности, температуры и пр. При этом, установлено, что в помещениях с камельком, постоянно поддерживающим огонь, воздух отличается значительной чистотой по сравнению с избами, где от выпекания хлеба и сушки мокрой одежды чувствовалась сырость с кислой прелью.

Температура в избах выше, чем в тупах с камельком. Днем и вечером иногда она поднимается выше 25° С, но к утру сильно опускается на уровне пола в избах до -2° , а в тупах до -6° . Вода нередко замерзает. Даже у ижемцев однажды случайно упавший на пол пузырек с чернилами замерз за ночь.

Лопарская тупа в Семиостровском погосте

Расход топлива на семью определяется 20—25 возами дров на зиму. Двойные рамы встречаются лишь у богатых. Для сохранения тепла на ночь окна завешивают с подветренной стороны оленьими шкурами. Входы в тупы особенно при отсутствии сеней прикрываются шатрами, вроде легкого чума или вежи. В избах, обставленных столами, скамейками, лавками, табуретами и полками, для спанья имеются нары или кровати с большим количеством оленьих шкур—«постелей», а иногда и с перинами. Наволочки перин и подушек обычно сильно заношены. У богатых кровати завешиваются пологом. Наряду с общепринятой обстановкой сохраняются принадлежности кочевничества: низенький столик, у которого иногда устраивают чаепитие близ камелька (рис. 22), маленькие и большие меховые сумки—кисы—с имуществом, сундуки и т. д. Домашнее помещение содержится сравнительно чисто, ежедневно убирается, пол подметается веником несколько раз в день и моется один или два раза в неделю. Для вентиляции прорубают в стенах маленькие окошечки, закрывающиеся створкой или тряпками.

Дневное освещение, при 2—3 окнах, достаточное. В темное время тупы освещаются огнем камелька, в избах всюду имеются керосиновые лампы. Подробные данные о жилищах дополняются в материалах экспедиции данными о хозяйственных и общественных постройках и кладбищах.

Очень подробные сведения собраны об одежде и обуви, их количестве, форме и различиях в зависимости от пола, возраста, времени года, занятий, состояния и моды. Редкая смена белья и одежды при отсутствии бань способствует разведению паразитов, встречающихся в изобилии, особенно на голове. Не имея бань, лопари обычно ежедневно обмываются у камелька. Уход за телом был предметом особого внимания экспедиции.

Жизнь в течение четырех месяцев в непосредственной близости к населению и специальные наблюдения врача экспедиции Ф. Г. Иванова-Дятлова дали очень большой материал для суждения о санитарно-гигиеническом состоянии лопарских погостов и населения района вообще.

Вместе с тем постройкой, одежда и домашний быт дали не мало материала, имеющего специально этнографический интерес. Установлены различные типы построек и степень их распространения. Куокса, вежа, стан, чум, тупа без сеней, с сенями, изба с русской печью, двойной дом—соединение избы и тупы, с сенями между ними, как на фотографии или с сенями, ведущими в тупу, непосредственно связанную с избой, подробно обследовались с их деталями, внутренним убранством и принадлежностями, как запоры, замки, украшения и пр. Выяснялось культовое значение отдельных мест жилища, напр., место около камелька.

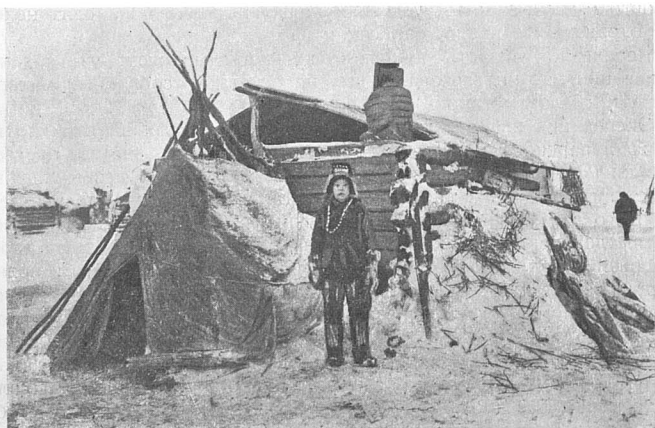
Хозяйственные постройки—амбары на столбах, овчарни наземные и полуземлянки точно также были предметом наблюдения.

При изучении одежды было обращено внимание на заимствование лопарями ижемской малицы, ремня, повсеместное употребление русского платья, утрату полного комплекта национального костюма и вместе с тем проникновение лопарского мужского зимнего головного убора—каппора—в русскую среду на Терском берегу, где его можно встретить чаще, чем в Ловозере. Удалось снять выкройки мужских и женских яров, рукавиц, огузенья, канег и детских малицы, канег и меховой шапки.

Пути сообщения и средства передвижения и перевозки были постоянным предметом нашего наблюдения. Различные типы саней, широкое распространение высоких нарт самоедского типа, повидимому, благодаря ижемцам или даже русским, утрата во внутренних погостах лопарской кережи, постоянно упоминаемой в описаниях лопарского быта, отмечены в наших материалах. Интересно подчеркнуть, что кережи сохранились, как исключение, в Пулозере, в Лумбовском погосте и на Терском берегу у русских. Русское население на Терском берегу не только всюду употребляет нарты, но даже сделало изготовление их предметом промысла. Особенно славится этим д. Оленица.

Из области материальной культуры и хозяйственного быта оленеводству было уделено внимания больше всего. Его роль в жизни

населения, приемы хозяйства, оленеводческий инвентарь, отношение к оленю, и особенно время и пути перекочевок со стадами изучались возможно подробнее на карте. Вместе с оленеводами, прекрасно ориентирующимися даже при первом знакомстве с картой, отмечены места оленьих пастбищ и жилищ в различное время года, а вместе с тем и рыбных угодий. Рассмотрение географической карты с лопарями дало возможность составить оленеводческую карту, констатировать крайнюю неточность карты, на которой реки и даже населенные пункты обозначены совершенно неверно, и внести некоторые исправления, поскольку это возможно. Материал по рыболовству собирался главным образом путем расспросов, так как время было не-

Защита входа в тупу от ветра.

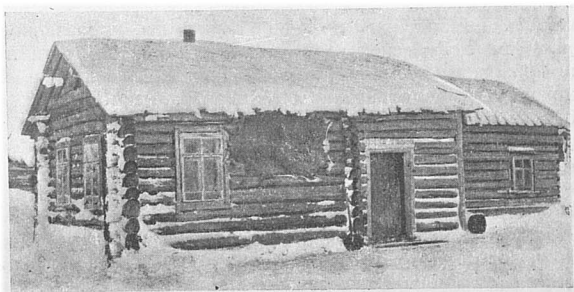
благоприятное для непосредственных наблюдений. Лишь на морском побережье или в устьях рек пришлось видеть рыбную ловлю, в частности, наблюдать лов наваги на удочку у прорубей, во время прилива, когда рыба большими стадами проходит в реку.

Нелишне отметить, что озерным рыболовством занимаются главным образом лопари в то время, как ижемцы предпочитают сосредоточить свое внимание на оленеводстве и покупать рыбу у лопарей. Охота, не утратившая промысловое значение в восточной части полуострова, также дала не мало наблюдений и записей. К сожалению, в текущем году, не говоря о куропатках—«куроптях»—добыча была очень мала, и нам удалось видеть лишь снаряды и старые шкуры песцов, лисиц, медведя, белок и пр. и записывать рассказы охотников, постоянно жаловавшихся на упадок промысла.

Выделку шкур и приготовление замши пришлось видеть на ловозерском заводе, изготовляющем полуфабрикат, и в Иоканге, где

западе, как можно было судить по нашим наблюдениям в Нотозерском районе в 1925 году. Учитывая значение этих влияний, следует согласиться с д-ром Г. Хальстрём, непосредственно знающим кольских лопарей и считающим, что во взаимной борьбе русские, не заинтересованные в оленьих пастбищах, для лопарей «абсолютно безопасны». (G. Hallström. Kololapparnas hotade existens, «Умер». 1911). Что же касается влияния русских на физическую природу лопарей, то оно должно расцениваться определенно положительно. Недаром в Поное и Пялице мы видим обрусевших потомков смешанных русско-лопарских браков, значительно более сильных, крепких и здоровых, чем лопари.

Ижемское влияние, как новое и сопровождающееся борьбой на основном хозяйственном поприще—олеводстве, является для лопарей

Лопарская изба в Иоканге.

несомненной угрозой тем более, что до сих пор они не роднятся между собою. Устранение последнего обстоятельства имело бы очень большие положительные последствия, смягчив неравную экономическую борьбу и внося новые физические силы в среду лопарей. Так возможно было бы поставить евгеническую проблему на Кольском полуострове. Перекрестные браки ижемцев с лопарями дали бы более сильное поколение и теснее связали бы враждующих сейчас соседей по тундре. На финское влияние также необходимо обратить внимание, причем в настоящей работе мы оставим его в стороне, так как оно имеет значение лишь в западной части Кольского полуострова.

Сопоставляя лопарей Пулозера, Кильдинского погоста и Ловозера с лопарями Иокангского и Лумбовского погостов, приходится отметить значительно бóльшую хозяйственную устойчивость и культурность последних. В данном отношении наши наблюдения по материальной и духовной культуре могут представлять существенный интерес, как дополнение к одновременно с нами проведенной переписи. Наши данные по языку и фольклору дают значительный новый материал по той области лопарской культуры, которая очень плохо изучена русскими исследователями. Мы смотрели на это, как на

записан весь процесс домашнего производства с его инвентарем, приемами работы, терминологией и бытовой обстановкой. Точно также описано изготовление ниток из оленьих сухожилий.

Всюду отмечались подсобные занятия населения, при чем влияние железной дороги, притягивающей на дровяные заготовки, сказывается даже в Семиостровском и Каменском погостах. Быт и условия жизни на заготовках специально изучались около ст. Тайбола, где пришлось видеть кочевой образ жизни и вышедшие из употребления в обычной обстановке жилища, как куокса. К сожалению, зимние условия работы не позволяли или сильно затрудняли фотографирование в процессе труда занятия населения. Большое количество ярких картин и наблюдений сохраняется лишь, как незабываемые впечатления своеобразного быта в суровых условиях полярной зимы, и находит некоторое отражение в наших записях и памяти.

Переходя к области духовной культуры, скажем, что в данном отношении нас интересовало все, но основной собранный материал в кратких словах таков.

Экспедиция не ставила себе задачи специальных занятий по изучению лопарского языка, но не могла оставить вне круга своего внимания одного из основных факторов культуры. Имея в виду впоследствии привлечь к работе лингвиста, что удалось сделать летом текущего года, мы считали обязательным присматриваться к особенностям лопарского языка и его местным отличиям, собирать словарный материал и заниматься языком в целях более правильного и полного восприятия этнографических явлений и быта. Работа В. В. Чарнолуцкого в данном отношении, несомненно имела определенный результат. Наша работа облегчалась тем, что лопари всюду хорошо понимают и говорят по-русски. Лишь маленькие дети и единичные лица из старух не знают русского языка. Немало русских слов вошло в лопарский язык. Что касается самого лопарского языка, то необходимо указать на очень существенные различия как в языке отдельных погостов, так и в языке старшего и младшего поколений. Ознакомление с местными особенностями Лумбовского, Иокангского, Семиостровского и Кильдинского погостов и расспросы о других погостах дали возможность составить рабочую карту распространения лопарских говоров, как основу для дальнейшего изучения. В процессе работы собран словарный материал, превышающий 1.000 слов. Фольклорные записи заставили обратить внимание на изменения языка, утрату старых форм и терминов и на другие явления в жизни лопарского языка. Сказки сохранили утраченные слова, подчас такие, что переносят нас в отдаленное прошлое, напр., березовый котел—*r'as'kemn*. Язык записанной Чарнолуцким в Лумбовском погосте легенды об олене не только отличается от языка молодого поколения, но и от языка семидесятилетних стариков.

Двадцать пять сказок, записанных главным образом в Иоканге и Лумбовском погосте, давая материал по языку, вместе с тем представляют большой интерес, как произведения народного творчества. Из них особого внимания заслуживает сказка о медведе, распинаемом на дереве. Записано также несколько лопарских песен, пословиц

и поговорок. Очень большой автобиографический и биографический материал собран со слов хорошо знающих быт стариков и старух, доверчиво и с интересом откликнувшихся на просьбу помочь нам в деле изучения их родного народа. Рассказы Авдотьи Николаевны Матрехиной, Варвары Васильевны Куроптевой, Емельяна и Василия Яковлевичей Назаровых, Тимофея Яковлевича Матрехина, Лазаря Федотовича Матрехина, 76-летнего лумбовского Ефима Андреевича Данилова, Кондратия Тихоновича Архипова и многих других, вспоминаемых нами с большой благодарностью и признательностью, дали

Изготовление ниток из оленьих сухожилий.

много материала для познания лопарского быта и сохранили хоть часть того, что утрачивается на наших глазах. Вель, более старые из них жили тем прежним лопарским бытом, который сохранился лишь в воспоминаниях и отчасти в литературе. Они помогли подойти к самым трудным и мало доступным для постороннего человека вопросам верований и мировоззрения лопарей. Удалось получить некоторый материал о культе сейдов или сейтов, местами сохраняющем значение и в настоящее время. Чарнолуским записан в Иоканге свадебный обряд, отличающийся от виденного нами в Ловозере.

Золотарев, продолжая свои работы по юридическим знакам, записал несколько сотен домовых мет (клейм) лопарей и ушелятен оленей Семиостровского, Иокангского, Каменского, Сосновского погостов, с. Поноя и русских селений Тетринской волости на Терском

берегу. Часть ушептян вырезана из бумаги самими лопарями, другая часть изображений скопирована из официальных волостных списков.

Длительное общение с лопарями дало очень много материала для суждения о духовном облике этого народа. При безграмотности, не говоря об отдельных лицах, лопари обнаруживают развитие, чрезвычайно хорошо разбираются в географической карте и проявляют интерес к завоеваниям культуры. Слабые физически по природе, часто забитые в силу неблагоприятных условий жизни, ленивые и не достаточно предприимчивые в связи с своеобразием их быта, лопари обладают редкими душевными качествами, невольно располагающими к ним. Хотелось бы, чтобы наши наблюдения в данном отношении содействовали усилению общественного внимания к лопарям и устранению взглядов, основанных на грубом принципе: «пусть гибнут—такова их участь в борьбе за существование».

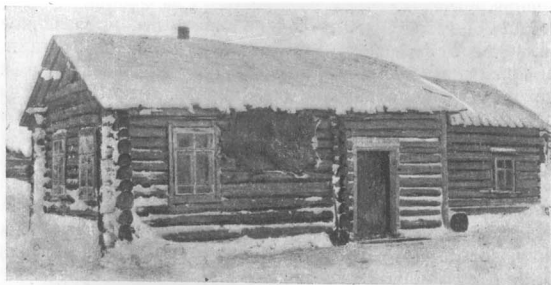
Вспоминая пребывание на Кольском полуострове и оглядываясь назад на выполненную работу, слабое представление о которой мы дали в предварительном отчете, считаем необходимым подвести основные итоги и высказать несколько практических пожеланий.

Проведя зимой четыре месяца в восточной части Кольского полуострова и покрыв на оленях более 1.800 километров, сделав разрез в срединном направлении до горла Белого моря и объехав Терский и Мурманский берега, экспедиция впервые охватила такой большой круг наблюдений.

Антропологическое исследование лопарей, сопровождаемое сравнительным материалом по их соседям и особенно исследования русских из Поноя и Пялицы, где документально доказывается и самим населением подтверждается лопарское родство, давая измерения 500 человек в дополнение к измерениям 34 лопарей Кельсиевым и 65 лопарей Шмаковым, позволило к 50-летию первого антропологического исследования в 1877 году получить достаточный материал для антропологической характеристики лопарей. Данные о физической конституции, состоянии здоровья, болезненности, санитарно-гигиенических условиях жизни населения, остающегося без врачебной помощи и надзора, представляют исключительный интерес и вместе с другим материалом позволяют подойти к решению вопроса о так называемом вырождении лопарей. Не предрешая вопроса прежде чем материал будет проработан, можно сказать, что распространенные довольно широко суждения о вырождении лопарей, повидимому, основанные на грубом толковании впечатлений от внешнего облика лопарей и на неверном представлении о количестве лопарей, требуют пересмотра и плохо вяжутся с особенностями физической природы лопарей, низкорослых и слабосильных, но достаточно здоровых, нормально развитых и проявляющих жизненную силу. Ставя вопрос о вырождении, следует прежде всего иметь в виду социальные условия, учитывать распад старого лопарского быта особенно на западе, культурное воздействие русских на востоке и сильное экономическое давление со стороны ижемцев в центре. Поэтому, казалось бы, более правильным говорить не о физическом вырождении, а об утрате своеобразных культурных особенностей лопарей, под влиянием русских, ижемцев и финнов на

западе, как можно было судить по нашим наблюдениям в Нотозерском районе в 1925 году. Учитывая значение этих влияний, следует согласиться с д-ром Г. Хальстрём, непосредственно знающим кольских лопарей и считающим, что во взаимной борьбе русские, не заинтересованные в оленьих пастбищах, для лопарей «абсолютно безопасны». (G. Hallström. Kololapparnas hotade existens, «Ymer». 1911). Что же касается влияния русских на физическую природу лопарей, то оно должно расцениваться определенно положительно. Недаром в Поное и Пялице мы видим обрусевших потомков смешанных русско-лопарских браков, значительно более сильных, крепких и здоровых, чем лопари.

Ижемское влияние, как новое и сопровождающееся борьбой на основном хозяйственном поприще—оленоводстве, является для лопарей

Лопарская изба в Иоканге.

несомненной угрозой тем более, что до сих пор они не роднятся между собою. Устранение последнего обстоятельства имело бы очень большие положительные последствия, смягчив неравную экономическую борьбу и внося новые физические силы в среду лопарей. Так возможно было бы поставить евгеническую проблему на Кольском полуострове. Перекрестные браки ижемцев с лопарями дали бы более сильное поколение и теснее связали бы враждующих сейчас соседей по тундре. На финское влияние также необходимо обратить внимание, причем в настоящей работе мы оставим его в стороне, так как оно имеет значение лишь в западной части Кольского полуострова.

Сопоставляя лопарей Пулозера, Кильдинского погоста и Ловозера с лопарями Иокангского и Лумбовского погостов, приходится отметить значительно большую хозяйственную устойчивость и культуру последних. В данном отношении наши наблюдения по материальной и духовной культуре могут представлять существенный интерес, как дополнение к одновременно с нами проведенной переписи. Наши данные по языку и фольклору дают значительный новый материал по той области лопарской культуры, которая очень плохо изучена русскими исследователями. Мы смотрели на это, как на

начало, требующее дальнейшей работы. К счастью нам удалось продолжить исследование летом текущего года, пригласив, кроме В. В. Чернолуцкого, находящегося и в настоящее время у лопарей, финнолога языковеда А. И. Емельянова, пробывшего в Иоканге около двух месяцев.

Одной из специальных задач экспедиции было дать материал для монографии лопарского погоста. Наш материал по Иокангскому погосту, пополненный летними наблюдениями и данными Мурманского Губстатбюро позволяет надеяться, что мы будем иметь довольно полную монографию.

Вообще, надо сказать, что согласование работ с Мурманском, главным образом благодаря исключительному содействию В. К. Алымова, значительно обогатило наши наблюдения данными Бюро и других учреждений, а пребывание сотрудников около двух недель в Мурманске дало возможность проверить и дополнить собранные перед этим сведения.

Готовность помочь нам и редкое внимание, проявленное к нам всюду, начиная с Губернского Исполнительного Комитета и кончая рядовыми лопарскими семьями, где мы останавливались, и которых мы расспрашивали, осматривали и измеряли, несмотря на трудное время года и сравнительно короткий срок работы, дало нам импульс и силы выполнить поставленную нами задачу.

Поэтому, тем более приятно выразить благодарность всем учреждениям, оказавшим нам содействие—Мурманской железной дороге, Мурманскому Губернскому Исполкому, Губернскому Статистическому Бюро, Отделу Здравоохранения, Кооперативному Сельскохозяйственному Банку, волостным советам района работы—и, помогавшим нам, особенно В. К. Алымову, Заведующему Мурманским Музеем М. Н. Михайлову, членам президиума Губисполкома т.т. Панову, Моисееву и Павлову, Управляющему Мурманским отделением С-Х. Банка В. И. Осиновскому, сотруднику Статистического Бюро М. К. Карпуну, д-ру Н. В. Халапсину, инженеру А. К. Мореншильду, учителям школ, где мы были, а также всем местным общественным деятелям и гражданам, с которыми нам приходилось иметь дело.

В заключение позволяем себе обратить внимание на настоятельную надобность осуществить практические мероприятия: обеспечить восточную часть полуострова медицинской помощью и школами в лопарских погостах (Семиостровский), восстановить вехи по основным направлениям в тундре, содействовать подъему лопарского хозяйства и придти на помощь хозяйству Терского берега.

Нашими пожеланиями научно-исследовательского порядка, вытекающими из опыта экспедиции, являются следующие: продолжать исследование, перенести их и в западную часть Мурманской губ., организовав дополнительно лингвистические и археологические работы, осуществить изучение торосового промысла и рыболовства на Терском берегу совместно с биологами и экономистами и начать систематические работы по исправлению географической карты и производству съемки Кольского полуострова.

Проведя экспедиционные работы и представляя настоящий предварительный отчет, за которым в ближайшее время последуют спе-

циальные работы по антропологии, гигиене и этнографии лопарей, мы участники зимней экспедиции 1927-го года, будем вознаграждены, если, наша работа даст толчок для дальнейшей интенсивной и планомерной исследовательской деятельности на Кольском полуострове и тем более среди лопарей, нуждающихся не только в изучении, но и в облегчении их тяжелого положения, требующего большего внимания, чем было до сих пор.

EXPEDITION ETHNOLOGIQUE EN LAPONIE.

La pensée première de l'organisation d'une expédition hivernale pour l'étude des Lapons date de 1923—24. Depuis, des excursions isolées ont été accomplies à plusieurs reprises. Enfin, en Janvier de l'année courante la Société Russe de Géographie se trouvait en mesure d'entreprendre une Expédition Ethnologique chez les Lapons, composée du professeur D. A. Zolotarev—anthropologiste, placé à sa tête, du médecin F. G. Ivanov-Ziolotav et de l'ethnographe V. V. Tcharnolousky.

L'expédition avait pour tâche une investigation des Lapons, qui se sont conservés au nombre de 1643, aux points de vue anthropologique, medico-hygiénique et ethnographique. A la base du travail étaient placées les mensurations anthropologiques.

L'expédition ayant commencé ses travaux à Poulosero, station du chemin de fer du Mourman, traversa en traîneaux à rennes les villages du Lovosero, Laosero, Semioistrov, Kamensky, Yokanga jusqu'à Ponoy, à la gorge de la mer Blanche. De là Zolotarev se rendit avec des rennes le long du littoral Tjersky à la station de chemin de fer Kandalaksha, tandis que ses compagnons, rentrés au village hivernal de Yokanga y restèrent ainsi que dans les villages estivaux de Yokanga et Loumbovsky jusqu'au 2 avril, quand ils purent aller en bateau à Mourmansk.

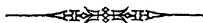
Après avoir séjourné au village de Kildine, à Kola et Taibola, les collaborateurs achevèrent leur travail au commencement de mai pour rentrer à Leningrad.

Profitant du séjour des Lapons dans leurs villages hivernaux (les «pogostes»), où ils vivent de façon sédentaire pendant 4 à 5 mois, l'expédition put visiter presque tous les pogostes de la partie Est de la presque île de Kola et soumettre à l'investigation anthropologique et à un examen médical plus de 300 Lapons, près de 150 Russes, 30 Zyrianes de l'Ijma (Komi) et quelques Samoyèdes. Les matériaux recueillis permettent de juger des particularités anthropologiques et de la constitution physique des Lapons, de leur état de santé, de leurs maladies, des conditions d'hygiène publique caractérisant leur existence. Les observations ethnographiques donnent une idée de leurs vêtements, de leurs habitations, de leurs moyens de locomotion et de leur existence économique, notamment de la culture du renne, des industries de pêche, de chasse et aussi de la culture intellectuelle des Lapons. Les Lapons de l'Est apparaissent

comme les plus solides et les plus stables au point de vue économique. L'influence des voisins, surtout celle des Russes, se fait grandement sentir, tant pour le type physique que dans la culture des Lapons. Pendant ces dernières périodes décennales depuis 1887, lorsque les Zyrianes de l'Ijma venant de la région de la Petchora, firent leur première apparition dans la presqu'île de Kola, se fixant à Lovosero, les Lapons subissent une influence puissante de la part des Zyrianes (Komi). Ces derniers, plus forts aux points de vue physique, culturel et économique, exercent une action oppressive sur les Lapons, les refoulant peu à peu au second plan et s'appropriant les pâturages de rennes.

En étudiant la situation de la culture du renne, l'Expédition a recueilli des matériaux pour dresser une carte des pâturages de rennes et des déplacements saisonniers des Lapons pour les besoins de leur régime économique fondé sur l'exploitation du renne et sur la pêche.

L'expédition a enregistré pas mal de contes, de chansons, de devinettes, de dictons etc., caractérisant la poésie populaire laponne et les particularités de la langue, présentant aussi plusieurs dialectes. Les travaux de cette expédition ne sont que le commencement d'investigations systématiques en train de se continuer, pour être en 1928 étendues sur la partie ouest de la région du Mourman.

Liste d'illustrations. Список иллюстраций:

1) Лопарский погост (Иоканга). Village lapon (Yokanga)	3
2) Маршрутная карта экспедиции. Carte itinéraire de l'expédition	5
3—4) Пожилой лопарь из Иоканги, фас и профиль. Type de lapon âgé—face et profil (Yokanga)	6—7.
5) Лопарская девушка (Иоканга). Jeune fille laponne (Yokanga).	8
6) Самоедка—жена лопаря (Иоканга). Samoyède—femme de lapon (Yokanga)	9
7) Ижемец с оленями около своего дома (Ловозеро). Zyriane de l'Ųjma avec rennes près de sa maison (Lovosero)	11
8) Олени в праздничной упряжи (Ловозеро). Rennes en attelage de fête (Lovosero)	11
9) На второй день свадьбы у ижемцев (Ловозеро). Lendemain de nocе chez des Zyrianes de l'Ųjma (Lovosero)	12
10) Ижемки в праздничных нарядах (Ловозеро). Femmes zyrianes de l'Ųjma en habits de fête (Lovosero).	13
11) В гостях на празднике (Ловозеро). Visite de jour de fête (Lovosero).	14
12) Лопарский съезд Советов. Réunion de délégués des Soviets communaux (Lovosero)	15
13) У камелька (Семиостровский). Près de la cheminée (Semiostrov)	17
14) На свадебном «пиру» (Семиостровский). Festin de nocе chez des lapons (Semiostrov)	19
15) Лопарь из Иоканги. Lapon de Yokanga.	20
16) Молодая лопарка из Иоканги. Jeune femme de Yokanga	21
17) Улица в Каменском погосте. Rue du village de Kamenski	23
18) Каменский погост. Village de Kamenski	23
19) Каменские лопари. Famille laponne (village de Kamenski)	24
20) Лопарские девушки с прутьями для веников (Иоканга). Jeunes filles portant des verges pour faisceaux de balai (Yokanga)	25
21) Лопарь из Иоканги. Lapon de Yokanga	27
22) Иокангские девушки-сестры. Jeunes filles laponnes-soeurs (Yokanga)	28

23) За чайным столом у камелька (Иоканга). Société prennent le thé près de la cheminée (Yokanga)	29
24) Русский из Поноя. Russe du village de Ponoу	31
25) Русские из Пялицы. Russes du village de Pialitza	33
26) Ловля наваги в р. Пялице. Pêche de la navagha dans la rivière de Pialitza	35
27) Русская школа в с. Пялице. Ecole russe à Pialitza	36
28) Лопарская школа в Кильдинском погосте. Ecole laponne au village de Kildine	37
29) Лопарская тупа (Семиостровский). Toupa (habitation) laponne (Semiostrov)	39
30) Защита входа в тупу от ветра (Иоканга). Défense contre le vent à l'entrée d'une toupa	41
31) Изготовление ниток из оленьих сухожилий (Иоканга). Préparation de fil avec des tendons de renne (Yokanga)	43
32) Лопарская изба в Иоканге. Isba (maison paysanne) de lapons (Yokanga)	45

Иллюстрации исполнены по фотографиям автора.

Les illustrations sont faites d'après les photographies de l'auteur.